

РУССКАЯ ИМПЕРСКАЯ ФАНТАСТИКА

Александр

Афанасьев

СОЖЖЕННЫЕ МОСТЫ

Бремя империи

Александр Афанасьев

Сожженные мосты

«ЭКСМО»

2011

Афанасьев А. Н.

Сожженные мосты / А. Н. Афанасьев — «Эксмо»,
2011 — (Бремя империи)

В этом мире многое сложилось иначе, чем в нашем. Неизменной осталась только ненависть и зависть некоторых стран к природным богатствам и громадной территории Российской Империи, в которую исторически вошли многие государства. Не надеясь в открытом противостоянии покончить с процветающей и могучей Державой, извечные враги плетут заговоры, чтобы взорвать ее изнутри. Закопошились на западной границе фанатики польской неподлежности, на Восточных землях активизировались религиозные террористы. После смертельно опасных лет пребывания под прикрытием в Северной Ирландии и Британии блистательный разведчик, князь Александр Воронцов направляется послом в Персию. Государь поручает ему разобраться в запутанной и тревожной обстановке...

© Афанасьев А. Н., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

52

Александр Афанасьев

Сожженные мосты

*Вам, может быть, одна из падающих звезд,
Может быть, для вас, прочь от этих слез,
От жизни над землей принесет наш поцелуй домой.*

*И, может, на крови вырастет тот дом,
Чистый для любви... Может быть, потом
Наших паших души не коснется больше зло.*

*Мне страшно никогда так не будет уже,
Я – раненое сердце на рваной душе.
Изломанная жизнь – бесполезный сюжет.
Я так хочу забыть свою смерть в парандже.*

*Лишь солнце да песок жгут нам сапоги,
За короткий срок мы смогли найти
Тысячи дорог, сложенных с могил, нам с них не
сойти.*

*И, может быть, кому не дадим своей руки,
Может, потому, что у нас внутри
Все осколки льда не растопит ни одна звезда.*

*Мне страшно никогда так не будет уже,
Я – раненое сердце на рваной душе.
Изломанная жизнь – бесполезный сюжет.
Я так хочу забыть свою смерть в парандже.*

Звезда Кукрыниксы

Какое общение может быть у праведности с беззаконием?

И что может быть общего у света с тьмой?

Это из Библии. Книги книг. Но есть и другая, новомодная поговорка. «Да, он сукин сын, но он наш сукин сын». Такова современная политика.

А ведь Господь есть. Господь все видит. И карает. Каждый получает по делам его.

В пятидесятые годы Персия окончательно потеряла свою самостоятельность, шахиншах Персии стал вассалом русского царя. Долгие годы страна развивалась под русским вассалитетом – и, занятые своими Восточными территориями, мы не обращали на Персию никакого внимания. Да, наша разведка достоверно знала о творящихся беззакониях, о возведенном в ранг государственной политики насилии над подданными – но закрывала на это глаза, исходя из принципа «все-таки он наш сукин сын».

Первый звонок прозвенел во время событий в Бейруте – большое количество боевиков было заброшено в город с территории Персии. Тогда еще можно было что-то исправить – но снова не придали значения, не погасили пожар, пока он тлел малыми угольками.

Потом стало слишком поздно...

30 мая 2002 года

***Борт самолета Собственной, ЕИВ авиаэскадрильи
Воздушное пространство над Персией***

Лена появилась как раз кстати – едва я начал *вспоминать*. Два искрящихся хрусталем бокала на серебряном подносе...

– Мы только что пересекли границу, господин контр-адмирал. По традиции, пересекая границу, нужно отметить это шампанским.

Два бокала – весьма деликатный намек...

– Я подумала, что русский офицер не станет пить в одиночестве... – сказала она, словно читая мои мысли.

Эх, Лена, Лена... Еще как станет, дай только волю. Жизнь – она не мексиканская мыльная опера. Жизнь – это жизнь...

– Конечно, не станет. Присаживайтесь...

Кресла в самолете были обтянуты белой, специально выделанной кожей. Белая кожа и черное африканское дерево, гладкое настолько, что похоже на пластик. Не знаю, чей это самолет, – но в ссылку меня отправляли с почетом, это точно...

Я поднял столик – кресла в этом самолете разворачивались на триста шестьдесят градусов, а в обычном положении устанавливались vis-à-vis, и между ними можно было поднять столик, тоже из черного дерева. Очень удобный самолет, даром что раньше был бомбардировщиком...

– Леночка... – я улыбнулся как смог, хотя на душе было совсем невесело, – вы можете открыть мне военную тайну?

– Вам – смогу, господин контр-адмирал...

Лена... Напрасно ты так на меня смотришь. С одной стороны, конечно... сорока нет, и уже черные орлы на погонах, вкупе с эмблемой Морского генерального штаба... а с другой стороны... в общем, не стоит.

Знаете, для чего современным женщинам нужен мужчина? Для того, чтобы родить ребенка. «А воспитать я его смогу и без тебя!» – теперь для воспитания ребенка и вообще для совместной долгой и счастливой жизни мужчина не нужен. Перевернулся мир: если раньше дама шла в аптеку и покупала пузырек с серной кислотой – чтобы щедро плеснуть ею в лицо коварному соблазнителю, то теперь... хоть мне в аптеку отправляться.

За средствами контрацепции...

– Чей это самолет?

Лена рассмеялась. Звонко так.

– Ну... вообще-то этот самолет приписан к Собственной, его императорского величества канцелярии... Но большего я вам не могу сказать, господин контр-адмирал, извините...

Бокалы тонко зазвенели, коснувшись друг друга, словно в мимолетном поцелуе...

– Вам не понравилось шампанское?

– Шампанское мне понравилось. «Кристалл-Роедер»¹ восемьдесят четыре, я прав?

– Восемьдесят шесть. Ошиблись всего на два года...

– Но я не любитель...

Лена улыбнулась:

– Знаете... Первый раз вижу офицера, который столь...

– Всегда что-то бывает в первый раз, Леночка...

¹ Элитная марка шампанского. И в нашем мире до революции производилось для Русского императорского двора. Отличается тем, что бутылка двухслойная – стекло внутри, хрусталь снаружи. Шампанское нельзя хранить в хрустале. – Прим. автора.

– А расскажите мне о вашей службе, господин контр-адмирал. Вы должны были совершить что-то воистину выдающееся, чтобы в таком возрасте... Обычно адмиралы – это уже старички... хм... я не хочу ничего сказать...

Ну и что тебе рассказать, моя принцесса? Как пахнет залитый кровью, заваленный трупами Бейрут на пятые сутки уличных боев? Или про выжженный изнутри адским пламенем Шмеля полицейский участок в Белфасте, где все, что осталось от находившихся там людей, – это черный, жирный пепел, прибитый струями пожарных шлангов к полу?

– Ну... есть разные способы продвижения по служебной лестнице. Например, если великая княжна залетела от тебя, то тебя хоть и отправят в ссылку, но непременно дадут приличную должность и звание. Считай, с царской кровью породнился, как-никак...

Ну и зачем я это сказал? Что вообще происходит со мной в последнее время? Каким же подонком я стал...

22 мая 2002 года

**Академия Морского генерального штаба имени генерал-адмирала А. В. Колчака
Санкт-Петербург, Суворовский проспект**

*Да возвеличится Россия,
Да сгинут наши имена!*

Девиз, который вот-вот станет и моим девизом. У офицера Генерального штаба, не важно, сухопутного или морского, нет имени. Нет права на место в истории. Место в истории есть только у России, у Империи, которой мы служим...

Академия Морского генерального штаба находится на Суворовском проспекте, в здании напротив Академии Сухопутного генштаба и музея Суворова, который она организовала и содержала. В таком вот расположении двух академий – напротив друг друга, через улицу, словно в зеркале, отражалась старая как мир вражда армии и флота, которую никому и никогда не удавалось погасить. Россия – страна прежде всего континентальная, от морского судоходства почти не зависит – поэтому через улицу от нас найдется немало горячих голов, которые будут с пылом и жаром, достойным лучшего применения, доказывать, что Россия вовсе не нуждается в мощном океанском флоте, достаточно такого, который смог бы защитить ее берега. А отразить атаку чужого флота – британского или североамериканского, например, – можно береговыми установками противокорабельных ракет, налетами реактивных самолетов-ракетоносцев, атаками кастрированного прибрежного флота да ядерным оружием, на крайний случай. Высвободившиеся в результате сокращения флота казенные средства нужно направить на усиление наземной армии.

Большую глупость и представить себе нельзя. Сильный флот нужен как раз для того, чтобы не было наземной войны, это аксиома. Читайте Мэхена². И Колчака. Они все сказали, я повторяться не буду.

Кстати, про генерал-адмирала Колчака. Последнее, что он успел сделать в жизни, – добился-таки создания отдельной Академии Морского генерального штаба, теперь по праву носящей его имя. Это славное дело было не самым главным из его дел, но, безусловно, нужным и заслуживающим того, чтобы остаться в памяти поколений. Поэтому теперь напротив музея Александра Васильевича Суворова гордо стоит музей Александра Васильевича Колчака – человека, в одиночку создавшего новый русский флот и заложившего основу военно-морской науки двадцатого столетия.

² Адмирал Альфред Тайлер Мэхен, североамериканский адмирал, написавший книгу «Господство на море», заложил основу современной американской политики доминирования с опорой на силу ВМФ.

Это нельзя не помнить, это преступно не помнить. После позора Цусимы от русского флота осталось совсем немного – если у вас есть корабли и есть команды, это не значит, что у вас есть флот. Русский флот появился лишь в двадцатом году, когда адмирал и командующий Черноморским флотом Александр Васильевич Колчак первым в мире осуществил на практике комбинированную воздушно-морскую десантную операцию, в считанные дни выведя из войны Турцию и не допустив прорыва британской эскадры в Черное море. В ходе этой операции был высажен массированный десант морской пехоты. Часть береговых батарей была нейтрализована силами русских добровольцев из морской пехоты и не смогла вести огонь по десантной эскадре. Это была первая в мире операция морского спецназа, господа! Она же стала первой в мире, когда активно использовалась палубная авиация – расположенные на гидрокрейсере «Румыния» самолеты использовались не только для корректировки огня главного калибра линкоров, но и – опять-таки впервые в мире – для бомбовых ударов по критически важным целям. Захват Константинополя – тогда он назывался Стамбулом – был проведен столь быстро и решительно, что подошедшая к проливам британская эскадра напоролась на минные постановки и шквал огня неповрежденных (благодаря захвату их морскими пехотинцами) турецких береговых батарей. Потеряв три броненосца, с тяжело поврежденным флагманом-линкором британцы были вынуждены позорно отступить. Именно эта операция, искусно задуманная и ювелирно выполненная, стала первым шагом в ужасном Восточном походе русской армии, закончившемся штурмом Багдада. Если бы не гений Колчака – проливы до сих пор были бы чужими, на Ближнем Востоке был бы неизвестно кто, а русский флот в Черном море – бессмысленным сборищем кораблей.

Именно Колчак, на основе осмысления результатов Константинопольской десантной операции, написал библию современного моряка – книгу «Оперативное искусство флотоводца». Именно он, став главнокомандующим русским флотом, первым в мире стал делать ставку не на линкоры, а на связки авианосец – линкор. Именно он придумал современный строй авианосного ордера. Именно он заложил основы минной войны на море – в искусстве планирования минных постановок равных ему не было³. Именно он создал теорию современных морских десантных операций.

Наконец, он создал академию. В которой я сию минуту защищаю свой скромный труд. Прошу любить и жаловать, как говорится...

На флоте я считаюсь человеком крайне опасным. Вольнодумцем, сумасшедшим, предлагающим свои теории, вместо того чтобы следовать начертанной на скрижалях истине. К тому же с мохнатой лапой наверху: дед – начальник Главного оперативного управления Морского генерального штаба. И с подозрительно быстрым продвижением по службе. И – со скандальной репутацией, которую я заимел за последний год, по милости петербургских борзописцев, живописующих высший свет. В общем и целом – человек, от которого лучше держаться подальше.

Ну и черт с ним!

В оппоненты мне выставили капитана первого ранга Борзых – невысокого, улыбчивого толстяка, теоретика и штабника, за всю жизнь не командовавшего ни одним крупным кораблем. Сейчас, видя, как он стремится угодить и нашим и вашим – и меня надо критиковать, ибо мои предложения, высказанные в дипломной работе, просто возмутительны, и в то же время переборщить нельзя, ибо академию МГШ я должен успешно закончить в любом случае... Мне даже жаль беднягу стало. Вон как пот с чела поминутно вытирает...

– Господин Воронцов... Вам не кажется, что высказанные вами соображения... не дают стопроцентного эффекта?

³ Талант Колчака ныне замалчивается. Между тем именно по его планам минных постановок в 1941 году защищали минами Ленинград – и ни один фашистский корабль так и не смог подойти к устью Невы за все время войны. Он, адмирал Александр Колчак, везде, где командовал флотом, обеспечивал господство на море, даже над более сильным противником. Ни один советский адмирал не смог приблизиться по талантливости к Колчаку. – *Прим. автора.*

– Поясните, господин Борзых. Что вы имеете в виду?

– Смотрите... Предлагаемые вами методы действий в особый период – диверсионные группы, активное внедрение в экипажи, использование абордажных команд для внезапной атаки на стоящие в порту суда – все это замечательно. Но какова гарантия того, что эти меры – сработают? Гарантии по сути никакой, не правда ли?

– Хорошо. Возьмем так называемое «ракетное превосходство». Главный калибр наших ракетных кораблей – ПКР «Москит». Да, на сегодняшний день при ее скорости полета над водой в две и восемь скорости звука перехватить ее существующими средствами противоракетной обороны очень затруднительно. При массированном залпе – и вовсе невозможно. Но это сейчас. А что будет в будущем? Как вы считаете, случайно ли североамериканский ВМФ лихо-радожно проводит испытания перспективных комплексов на базе идей компании Metal Storm, у которых теоретическая скорострельность достигает миллиона выстрелов в минуту? Да, рано или поздно мы найдем способ обойти и это. Но поймите меня правильно, я вовсе не предлагаю забыть про ракетное превосходство, тем более – оно у нас есть. Я предлагаю новую, нетрадиционную наступательную стратегию с применением сил специального назначения, когда часть сил противника выводится из строя еще до непосредственного соприкосновения с нашим флотом. Взгляните на новейшие авианосцы САСШ, типа «Рональд Фолсом». Да, они напичканы электроникой. Да, на них мощнейшее авиакрыло. Да, они могут получать данные о целях со спутников и передавать их на находящиеся в полете самолеты в реальном режиме времени. Все это есть. Но давайте посмотрим на это с другой стороны. Корабль почти беззащитен против действий хорошо подготовленной абордажной команды! – Я включил лазерную указку, вызвал на экран разрез новейшего атомного ударного авианосца. – Смотрите, здесь все переборки легкие. Во многих случаях прочные люки с кремальерами и вовсе отсутствуют – экономия, снижение веса. То же самое с новейшими британскими кораблями – о ближнем бое сейчас мало кто задумывается, все предпочитают останавливать противника на дальних рубежах. Но что делать, если остановить не удастся? Тогда эти корабли, на которые потрачены миллиарды, мало чего стоят...

– Господин Воронцов... – капитан Борзых вложил в произнесение моей фамилии всю иронию и желчь, какую только смог, – как же вы доставите абордажную группу на борт идущего в авианосном ордере авианосца? Одного-двух человек – это я еще представляю, хоть и с трудом. Но целую команду... Поясните нам.

– Охотно поясню, господин Борзых... – я взял мел и начал набрасывать условными знаками на доске походный строй кораблей, – предположим, это у нас будет британский авианосный ордер, идущий походным порядком...

22 мая 2002 года

Санкт-Петербург, Большая Морская

Императорский яхт-клуб

Извозчик, уже давно сменивший лихого рысака и скрипящую рессорами коляску на лимузин марки «Ауто Юнион», лихо подкатил к парадному Императорского яхт-клуба, где у меня должна была состояться встреча с дедом. Дед членом этого клуба был, я – «молод еще»... Помимо этого – репутация у меня... несколько подмочена прессой. Как минимум в ближайшее десятилетие писать на визитной карточке «И. я-к.» мне не грозило.

– Примите, любезнейший...

Настроение у меня было хорошее. Хотя экзаменационные результаты сразу не объявили, я чувствовал – прошел. Хотя бы потому, что моя тема – абсолютно новая, не пережевывание старого с бесконечным поиском новых смыслов в трудах классиков, а именно попытки найти новое, найти пути дальнейшего развития скорости.

Поймите, как и почти во всех сферах человеческой деятельности, в искусстве вооруженной борьбы имеет место треугольник: мощь-скрытность-скорость. Если два параметра идут в одну сторону – третий непременно тянет в другую. Моя задача, равно как и задача нескольких других энтузиастов развития флота – исследование путей повышения скорости, этой ахиллесовой пяты флота. Вода – такая среда, которая сама по себе задает параметры движения и параметры реагирования на угрозу – слишком велика плотность среды, слишком велико сопротивление движущимся в ней телам. Если же нам удастся нарастить этот параметр – за счет использования экранопланов: полусамолетов-полукораблей, за счет использования скоростных носителей на подводных крыльях или воздушной подушке, за счет использования беспилотных боевых платформ, запускаемых с подводного положения субмаринами, – это изменит облик флота кардинально.

Итак, настроение у меня было приподнятым. Я даже не огорчился, когда извозчик минут десять катал меня просто так, чтобы счетчик щелкал. В таких случаях обычно не дают на чай. Я – дал...

Взбежал по ступеням парадной лестницы, бросил банкноту дородному швейцару, встречающему гостей у двери...

– Николай Карлович изволят пребывать в Большой гостиной...

– Спасибо...

Дед и в самом деле пребывал в Большой гостиной – так называлось в клубе место, где можно было не только посидеть, но и легко перекусить, а также ознакомиться с содержимым винных подвалов клуба, которые и по своему разнообразию и по качеству представляли несомненный интерес для любого энолога⁴. Вокруг деда сидели несколько человек, все в форме и все из МГШ, почтительно внимая патриарху – дед любил говорить и любил учить. Несмотря на его преклонный возраст, замены ему на посту начальника Главного оперативного управления МГШ так и не находилось...

– Виват, господа! – один из офицеров заметил меня. – Поприветствуем новорожденного офицера Морского генерального штаба!

Захлопали...

– Да бросьте... Еще результаты неизвестны. Рано праздновать...

Утихомирить народ удалось только после того, как на всех столах оказалось по бутылке шампанского – начинаем праздновать. Уж в чем в чем, а в праздновании своих достижений: званий и наград – русскому офицеру мало равных находилось. Хорошо, что тут морскую воду⁵ не подают, а то бы пришлось...

Улучив момент, дед мигнул мне, легким кивком показал на двери, ведущие на второй этаж, понятно...

От желающих поздравить новоиспеченного офицера МГШ мне удалось отделаться не сразу, шампанского по этому поводу было выпито тоже немало, от полагающегося в таких случаях спирта я решительно отказался, отговорившись тем, что не стоит праздновать сдачу экзамена, пока не оглашены результаты. И, сделав смущенное лицо, направился в сторону якобы ватерклозетов...

Дед ждал наверху, в одной из комнат, где шумел маленький фонтан. Комнаты шепотов, в них можно кричать друг другу в ухо самые сокровенные тайны Империи – из-за шума водопада подлый враг ничего не расслышит. По крайней мере, пока не появились компьютерные программы распознавания голоса с системой автоматического подавления шумов, все было именно так и не иначе...

⁴ Энолог – специалист по винам.

⁵ Морская вода – на флоте образовался такой обычай: если в армии обмывают спиртом, то на флоте награду опускают в стакан с настоящей морской водой. И – пей до дна... Потом, конечно, и спирт пьют, если не в походе, – не без этого...

На столе, на серебряном подносе стояла бутылка «Краг» – одной из самых дорогих марок шампанского в мире. Пенистая жидкость искрилась в бокалах...

– Давай! – дед встал, воинственно вытянув руку с бокалом, как будто со шпагой – за нового представителя династии Воронцовых-флотоводцев. Долгие лета, великие победы!

– Да возвеличится Россия, да сгинут наши имена... – процитировал я.

Дед скривился.

– Я тебе говорил, что твоя разведка вкупе с диверсиями ничего хорошего в плане службы не принесут? Какая это служба – как лягушке, под водой плавать, от всех хоронясь? Послушал бы меня в свое время – служил бы, как все нормальные люди служат. Сейчас, наверное, твой первый корабль обмывали бы...

– Как-никак, кап-раз⁶ мне дали...

– Да брось! У тебя в личном деле то и дело читаешь – «без права ношения», «без права оглашения», «за заслуги, которые не могут быть поименованы в приказе, но которые тем не менее...». Геройствуешь втихую!

– Кто-то должен геройствовать и так.

– Геройствуй... Геройствуй... Давай – за Русский Флот!

До дна... Шампанское показалось легким, даже не пьянящим – веселящим...

– Что дальше думаешь?

– Не знаю, – искренне ответил я.

Дед покачал головой:

– Ты знаешь... Устроить тебя в МГШ – пара пустяков. Но ты ведь там ни с кем не сработался. Там заслуженные люди, тебе же, как типичному представителю молодежи, что на мнение старших, что на старые заслуги – положить и забыть. В атташат⁷, чтобы подальше отсюда, тебе тоже нельзя, сам понимаешь, почему. Вот и думай...

– А что тут думать?

– Да подумать никогда лишним не бывает...

Я помрачнел – понятно, о чем пойдет речь. В таких вопросах дед отличался деликатностью поднятого из берлоги медведя.

– А ты не хмурься! Не хмурься! Честь-то, она одна!

– При чем тут честь? Ты меня что – коварным соблазнителем выставляешь?

– Да каким тут коварным соблазнителем... Если газеты почитать – не те, что сейчас, а за несколько лет, – тут еще вопрос возникает, кто из вас коварный соблазнитель. Как бы Государь не разгневался...

– Ты считаешь, род Воронцовых недостаточно...

– То, что считаю я, не имеет никакого значения. Важно, что считает Государь. И как он ко всему к этому отнесется. Такого скандала в благородных кругах еще не было, всем кости будут перемывать – не один год.

– Пусть попробуют...

– Попробуют. И еще как попробуют, – вздохнул дед, – ты мало знаешь двор и почти не вращаешься в высшем обществе. И правильно – офицеру там делать нечего. В высшем свете есть очень злые и гадкие на язык люди. Для них истинным наслаждением бывает укусь другого человека, причем чем больше получается укус, тем для них лучше. Иногда мне кажется, что это и не люди вовсе, а самые настоящие бесы, наслаждающиеся чужим страданием. Многие из них, при всей показной роскоши, – в долгах, как в шелках, выродившиеся отпрыски некогда великих династий. Они считают для себя позорным даже отслужить в армии. Они предаются всем видам греха, какой только существует. Наркомания, мужеложство, дети... Но

⁶ Кап-раз – капитан первого ранга для диверсионной службы – это предельное звание.

⁷ Атташат – то есть военно-морским атташе при посольстве.

эти люди опасны, потому что они формируют то, что называется «мнением высшего света». И даже Государь не может его полностью отринуть.

– Неужели Государь будет слушать эту мразь...

– Увы... Государь честный человек, это несомненно. Но он заложник традиций, на традициях держится спокойствие и власть. А значит – заложник и этой всей мрази...

Из клуба я вышел, когда солнце уже клонилось к закату. Темнело, над весенними питерскими улицами мокрыми белыми шарами горели фонари...

– Сударь, не хотите завтрашнюю газету?

Это тоже было этаким... традицией. Вечером можно запросто купить завтрашнюю, еще пахнущую свежей типографской краской газету. Обычно так продавали газеты желтой прессы, нормальные издания считали такую практику ниже своего достоинства. Бывали случаи, когда некто неизвестный, прочитав такую вот газету, звонил в редакцию и выкупал за две цены весь тираж – своего рода заработок, схожий с шантажом. Разносили их пацаны, продавали за три цены...

– Получите, милейший... – Я дал полтинник, развернул газету и...

Первая полоса. Великая княжна Ксения, на которой из одежды самое крупное – морская фуражка. Роскошная цветная фотография на всю страницу. Что написано дальше – даже пересказывать не хочу...

Разум включился секунде на пятой – до этого было только одно, затмевающее все чувства желание – добраться до дома, взять лежащий там автомат и...

А потом включился рассудок. Рассудок офицера, годами действовавшего под прикрытием, четыре года проведенного в Белфасте, где взрывы и пожары являются неотъемлемой повседневностью бытия...

Так... За час можно добраться до Кронштадта. Там – не может быть, чтобы не нашел никого из однокашников. Однокашников, имеющих доступ к спецскладам. Адрес типографии – здесь же, по закону адрес типографии, где напечатано то или иное печатное издание, обязательно указывается. Тираж начнут развозить не раньше двенадцати ночи. Тираж всегда развозят ночью.

Типография... Одна искра – не говоря уж о брошенной в склад готовой продукции морской, не гасящейся даже в воде спичке – и все. А для того, чтобы раздобыть такую спичку, даже до Кронштадта добираться не надо.

И еще нужен кнут. Потому что на *таких* – даже пулю жаль тратить. И потом. Что по закону в таких случаях полагается? Телесное наказание. Вот вам и будет – телесное наказание...

Но это потом...

Я аккуратно свернул газету, положил в карман...

– Извозчик!

28 мая 2002 года

Царское село

Александровский дворец

Собственно говоря, я такого не ожидал. Ожидал полицейской кареты, даже речь придумал в свое оправдание, но никак не ожидал «Руссо-Балта» с гербами на дверях...

«Руссо-Балт» подъехал к нашему фамильному воронцовскому особняку рано утром – солнце еще не стало палящим, оно было робким и нежно-розовым, оно только пробуждалось ото сна. И Петербург в эти минуты был... он словно застрял на границе бытия и небытия, яви и нави. Такое бывает еще в белые ночи...

– Капитан первого ранга Воронцов?

Я с трудом принял вертикальное положение.

– Он самый.

– Извольте проследовать, сударь.

Понятно...

Старший – с невыразительными чертами лица, крепкий – принялся, едва заметно скривился...

– Сударь... Извольте привести себя в порядок. Мы подождем...

Не нравится? Ну и...

Примерно на пятой минуте поездки я понял, что мы едем не в дом предварительного заключения Кресты. Хотя бы потому, что в Кресты на «Руссо-Балтах» не ездят.

А когда до меня дошло наконец, куда мы едем, я даже побелел от ужаса, хмель как рукой сняло. Предстать... в таком виде... достойном пьяного забулдыги, но никак не русского флотского офицера... да все предки в гробах не по разу перевернутся...

Подъехали мы не к парадному – к черному входу любимого Государем Александровского дворца. По темным, неприметным лестницам, по узким коридорам мы шли и шли, открывали двери. В трех местах нас остановили для проверки документов, в двух – обыскали. Такого, какое происходило в девятнадцатом веке – когда Каракозов запросто подкрался к Государю на дальность пистолетного выстрела, – больше просто не могло быть.

Но и террористы сейчас другие – не то что этот жалкий неудачник, который и стрелять толком не умел.

– Извольте ожидать, сударь...

Я огляделся. Темные, бесконечные ряды книг, многоярусные полки из дорогих пород дерева. Несколько старых, разохшихся стульев, пара столов, лампа под зеленым абажуром...

Попал...

Государь появился в библиотеке быстро, я прождал всего минут пятнадцать. Как и обычно, он был в простой казачьей форме без знаков различия – почему-то он любил эту форму даже больше, чем синюю, военно-воздушных сил, где он служил.

– Ваше Императорское Величество! – Я искренне надеялся, что о моем состоянии Государь не догадается.

– Присядьте.

Я остался стоять. Государь тяжело опустился на стул...

– Знаете, князь, – с какой-то едкой горечью в голосе проговорил Государь, – я мечтал... в свое время... чтобы у меня было много детей... Трое мальчишек как минимум. Трое братьев. К сожалению... после Ксении врачи сказали, что детей у нас больше не будет. Тяжелые роды...

Я молча стоял навытяжку перед Государем. Слушал – в ужасе. Того, что я услышал сейчас, – не знал никто. Впервые я понял, насколько устал этот человек, вынужденный отвечать за целую Империю, насколько тяжок тот крест, который он несет ежедневно и ежеминутно. И насколько Государь постарел. Выглядел он на экране еще более чем... но теперь мне стало понятно, что все это ухищрения гримеров и не более...

– Присядьте же, капитан... не стойте навытяжку... не на строевом смотре...

– Ваше...

– Сядьте!

Я сел – единственный стул был напротив.

– Ваше Императорское Величество... Во всем виноват я и только я... Готов понести любое наказание...

– Ай, бросьте! – раздраженно махнул рукой Государь. – Не надо этого сейчас! Я прекрасно знаю, кто и в чем виноват! Я прекрасно знаю о ваших чувствах к Ксении еще с детских лет. И я прекрасно знаю, как моя дочь умеет манипулировать людьми. К сожалению, я не смог ей дать такого воспитания, какое следовало бы дать... и Мария тоже с этим не спра-

вилась. Николая я не смог воспитать... но его воспитал кадетский корпус. А вот для девочек у нас нет... кадетских корпусов... и Смольный⁸ ничего хорошего дать ей не смог... Если кого и наказывать – так наказывать надо меня... Что дальше собираетесь делать?

Я молча опустил голову.

– Она отказалась?

– Так точно.

– Тогда – да поможет нам всем Господь...

Посидели. Молча.

– Вот что, сударь. Выбор был у вас. Выбор был у нее. К сожалению... что сделано, то сделано... И виновата в том, что теперь на нас льется грязь со всех сторон, что мы стали посмешищем... моя дочь. Увы... она так и не научилась ценить отношение людей к ней... и не поняла, что искренние чувства дороже всего на свете. Если вы останетесь здесь... будет только хуже. Я имею в виду... ту историю... с кнутом... и с пожаром.

– Ваше Императорское Величество, если позволять каждому подонку...

– У нас есть суд, – перебил меня Государь. – Правда, не всегда хочется выносить туда... свое грязное белье. А еще у нас есть свобода слова...

– Свобода правды, Ваше Императорское Величество. Но не лжи.

– А кто отличит одно от другого? В наше поганое время правда сливается с ложью. Правда – это то, что крикнули громче. Да и... в следующий раз ведь и пистолет возьмете. Все эти борзописцы... они горой друг за друга. Вы едва не убили одного из них... сожгли типографию... теперь они от вас не отстанут... добьются вашей крови, хотя бы из вредности...

Государь снова замолчал, будто что-то досчитывая в уме... принимая какое-то решение.

– Относительно вас, князь... Поздравляю с успешным окончанием Академии. Надеюсь, вы поймете, почему я вас прошу не присутствовать на общей церемонии...

– Так точно, Ваше Величество...

– Второе. Сегодня я подписал рескрипт. Первое, вам присваивается звание контр-адмирала Российского флота... не перебивайте, прошу вас. Второе, начиная с завтрашнего дня вы назначаетесь посланником Российской империи при дворе Его Величества Шахиншаха Персии. Это ваше официальное звание и ваше место службы.

Я молчал, осознавая...

– Не слышу!

– Служу России и престолу!!! – вскочив, гаркнул я, как полагается по уставу.

– Вот так. Не кричите. Я еще не все сказал, князь... Как думаете, почему посланником назначаетесь вы, при том что у вас отсутствует опыт дипломатической работы?

– Не могу знать, Ваше Величество...

– Подчиненный перед лицом начальствующим должен иметь вид лихой и придурковатый, дабы разумением своим не смущать начальство... – процитировал петровский указ Государь, – мало найдется фраз, схожих с этой по разрушительному воздействию на умы. Если не можете знать – попробуйте догадаться...

Персия... Если это не ссылка – то что? Персия... Вассальное государство, персидский шахиниш является вассалом российского императора. Довольно развитое в промышленном отношении, имеет собственную промышленность, налаженную в основном русскими инженерами и на русском оборудовании. Энергетически полностью независимо, имеет огромные запасы нефти и газа. Все добытое продает Российской империи для глубокой переработки. Восемь атомных станций, двадцать энергоблоков последнего поколения. Армия слабая... в основном ориентированная на подавление возможных беспорядков. Есть Министерство внутренних дел с подчиненными ему силами и силы безопасности. Три базы русской армии, на

⁸ Смольный – Институт благородных девиц.

каждой из них – по усиленной дивизии, плюс база Черноморского флота в Бендер-Аббасе. Присутствие русской армии оплачивается как фактор безопасности страны и стабильности режима. Есть так называемые «туземные части». Выгодное стратегическое положение, выход к Персидскому заливу. Нестабильная граница с Афганистаном, через нее постоянно просачиваются исламские экстремисты. Они есть и в самой Персии и считаются угрозой режиму шахиншаха. В отличие от Российской империи, нормального взаимодействия с мусульманскими общинами и духовенством наладить так и не удалось, часть населения относится к правящему режиму враждебно.

В целом страна считается довольно спокойным местом службы, даже престижным. Дело в том, что с давних времен за службу на Восточных территориях капает полтора оклада, за службу за границей – два. Поэтому... желающих на мое место достаточно...

В чем же все-таки дело? Там что-то происходит? «Ваше официальное место службы» – намек на то, что будет и неофициальное?

«Отсутствует опыт дипломатической работы...» Это верно. Но назначаюсь именно я. Значит, есть какой-то опыт, которого у меня в достатке. Какой? Агентурная разведка? Силовая разведка? Организация специальных операций? Или по дипломной работе – «Нетрадиционные способы нейтрализации авианосного ордера противника»?

– Там что-то происходит...

– Близко...

– Что-то связанное с военными. Опять Британия, Ваше Величество?

– Возможно. Я подозреваю, что без Британии и здесь не обошлось. Думайте – для чего мне нужен человек, которому я могу полностью доверять?

Вопрос был настолько интересным, что я даже не оценил с ходу сказанное Государем – «человек, которому я могу полностью доверять». Это была одна из высших аттестаций, которую можно получить в государстве. Личное доверие монарха. Это дороже любых званий и орденов, это заслуживает того, чтобы быть высеченным на фамильном гербе.

И на могильной плите тоже...

Кажется, понял...

– Происходит что-то, во что замешаны наши? Русские?

– В точку. Просто великолепно. Вы помните про Каху Несторовича? Помните, что тогда произошло?

Еще бы забыть... Те похороны не забудешь. И произошедшее тоже.

Каха Несторович погиб в Багдаде восьмого сентября две тысячи первого года в результате террористического акта. Вместе с ним погибли еще сто сорок человек, теракт произошел на церемонии официального вступления в должность генерал-губернатора Междуречья. Каким-то образом на территорию дворца, где проходила официальная церемония, проник смертник, обвязавшийся поясом с октолом. Должность генерал-губернатора дается обычно особо заслуженным людям, которым пора на пенсию и требуется что-то необременительное. Выйти на пенсию, пожить как человеку Кахе Несторовичу так и не было суждено...

– Помню...

– Все подумали тогда, что эта должность дается исключительно в знак признания заслуг, как пенсия. На это и рассчитывалось. Меньше года назад господин Цакая сидел на том самом месте, на котором сейчас сидите вы. И говорили мы о том же самом. Очевидно, кто-то раскусил истинный замысел – сразу. И решил прервать игру в самом начале.

– Каков же был замысел, Ваше Величество?

– Замысел? Замысел был в том, что следовало хотя бы понять, что происходит. Несмотря на проведенную в Бейруте зачистку, спокойнее не становится. Террористическая война продолжается – Тегеран, Багдад, Иерусалим. Снова Бейрут – террористическая сеть там восстано-

вилась подозрительно быстро. Все это не просто так. И мы снова вынуждены начинать с самого начала...

Вот так вот... Кровь, пролитая в Бейруте, оказалась пролитой напрасно. Хотя нет – пролитая за Родину кровь напрасно пролитой не бывает.

Никогда...

– Приказывайте, Ваше Императорское Величество.

– Приказывать я вам не могу. Хотя бы потому, что не знаю, каким именно должен быть приказ. Приказал бы, если бы мог. И не только вам. Пока что я могу вас просто просить...

Государь махнул рукой:

– Будьте настороже. Будьте всегда настороже. Ваша задача – понять, что происходит. Как только поймем – сможем действовать. Я надеюсь только на одно – что мы сможем понять до того, как станет слишком поздно. До того, как польется большая кровь. Слишком много ее пролито за последние годы...

– Кому я буду подчиняться?

– Никому. Действовать будете из Тегерана – но в зону ваших интересов должен попадать весь Восток. Из Тегерана – потому что там спокойнее и потому что там есть для вас вакантная должность. Информацию будет от вас принимать тайный советник Путилов Владимир Владимирович. Но и ему вы не будете подчиняться. Подчиняться вы будете исключительно собственной совести. Я бы просил вас навестить господина Путилова как можно быстрее. А потом – отправляться к месту службы. Времени у нас очень и очень мало...

22 мая 2002 года

Персия

Дорога на Исфахан

А все-таки Бог есть...

В последнее время модным стал атеизм. Безбожие. Люди отрицают Бога, отрицая тем самым и те моральные устои, которые поддерживаются его властью. Конечно, верить никого не заставишь, а неискренняя вера – хуже безверия. Но задумывался ли кто-нибудь, что способен натворить человек без Бога в душе? И не важно, как этот Бог будет называться. Иисус, Аллах или Будда – какая разница, как назвать...

Господь един. Едина и правда его. Едины и заповеди его – не убей, не укради, не соверши злодеяние. В последнее время находятся подонки, с именем Бога на устах убивающие людей, – небесный суд вынесет им приговор, даже если они избегнут суда земного. Я в это верю. Потому что иначе – нельзя.

Но иногда чаша терпения Господа нашего переполняется людскими злодеяниями. Напомнить, что тогда бывает?

«И третий Ангел последовал за ними, говоря громким голосом: кто поклоняется зверю и образу его и принимает начертание на чело свое или на руку свою, тот будет пить вино ярости Божией, вино цельное, приготовленное в чаше гнева Его, и будет мучим в огне и сере пред святыми Ангелами и пред Агнцем. И дым мучения их будет восходить во веки веков, и не будут иметь покоя ни днем, ни ночью поклоняющиеся зверю и образу его и принимающие начертание имени его».

Шахиншах Персии был незаурядным правителем, истинным правителем Востока – мудрым, хитрым, жестоким. Но и старшим среди людей, начальникам народа, будет суд по деяниям их, и тем суровой будет приговор, чем выше они стояли. Никто не свободен от заповедей Божьих, и никто не избегнет гнева его и возмездия по делам своим.

Вот так...

Это был просто удивительный день, светлый, солнечный, но в то же время нежаркий. Солнце словно щадило землю, иссушенную почти двумя неделями засухи. Ни малейшего дуновения ветерка, все как будто застыло. Застыло в ожидании...

Первой шла полицейская машина. Светло-зеленый полубронированный русский внедорожник «Егерь» с форсированным мотором ходко катил по трассе, завывая сиреной и сгоняя на обочины тех, кому не повезло ехать в этот день тем же маршрутом, что и шах. На всякий случай в крыше был прорезан люк, а в люке был установлен крупнокалиберный пулемет со щитом. Случаи, когда охранявшие шаха бойцы Гвардии Бессмертных открывали огонь по зазевавшимся, не успевшим убраться с дороги водителям, уже были.

Вторым ехал броневик. Это был уникальный броневик, сделанный для охраны шахиншаха в Священной Римской империи. Обычный русский бронетранспортер, какой служил основной машиной прикрытия раньше, не подходил – слишком тяжел и тихоходен, из-за него весь кортеж шаха был вынужден тащиться со скоростью девяносто километров в час. И тогда в Священной Римской империи на моторных заводах Даймлера заказали бронетранспортер, сделанный на основе шасси магистрального грузовика. Его пришлось разрабатывать заново, ни один из существующих кузовов бронетранспортеров на это шасси не вставал. Разработали – этакий шоссейный бронетранспортер, с неважной проходимостью, но способный поддерживать «крейсерские» сто сорок. Безумно дорогой – но у шахиншаха Персии деньги водились.

А дальше...

А дальше, один за другим, вытянувшись на дороге стрелой, шли восемь совершенно одинаковых черных бронированных «Руссо-Балтов» без номеров, постоянно тасуясь в красивом дорожном танце на скорости сто сорок километров в час. Восемь лимузинов – это больше, чем у русского императора, обходившегося в таких случаях пятью. Но Восток – это не Россия, здесь и восьми может не хватить...

Замыкали колонну два грузовика, тоже бронированных, скоростных, на шасси, «Даймлера», битком набитых бойцами Гвардии Бессмертных – личной охраны шаха. В целом шаха при его обычных поездках по стране только в кортеже охранял чуть ли не батальон.

В одном из лимузинов, укрытый сантиметрами брони, взирая на несущийся навстречу мир – его мир, – наслаждаясь кондиционированной прохладой, в одиночестве сидел средних лет человек в полувоенной форме, с позолоченным пистолетом на поясе. Со стороны могло показаться, что человек спит, он сидел закрыв глаза – но он не спал. Он – думал...

Война шла больше двухсот лет. Северная империя – и южная империя. Персы – и русские. Великая игра, как это потом называли британцы. Все заметнее слабела Османская империя, Блистательная Порты, все заметнее слабели и они – персы. В двадцатом веке не стало ни Блистательной Порты, ни Персии в таком виде, в каком они были до этого.

В отличие от Блистательной Порты, Персии удалось сохранить независимость. Свергнув шаха, на персидский престол взошел генерал казачьей бригады Ага-хан. Генерал русской казачьей бригады – она стояла в Персии еще с XIX века, возглавлялась русскими инструкторами и служила великолепным средством обеспечения русских национальных интересов в Персии. Так на свет родилась династия Пехлеви, сменившая слабых и коррумпированных Каджаров.

Первое, что сделал Ага-хан, – обратился к русскому императору с просьбой принять Персию в свой вассалитет, что и произошло в пятидесятые годы. Персия формально сохранила свою независимость, война обошла ее стороной.

В восьмидесятые история повторилась – почти в точности. Один из старших офицеров персидской казачьей бригады поднял мятеж. Непонятно, что было тому причиной, непонятно, почему русский царь позволил этому свершиться. Пожилого и, как потом выяснилось, смертельно больного раком шахиншаха Мохаммеда Резу, последнего из династии Пехлеви, казнить не решились – посадили под домашний арест, где он благополучно и скончался от рака через

некоторое время. А на шахский престол взошел Мохаммед Хосейни, полковник Персидской казачьей бригады и основатель династии Хосейни.

Первым делом Мохаммед Хосейни посетил Петербург и бросился в ноги русскому императору. Возможно, его целью было вымолить себе прощение, возможно – не допустить, чтобы и его так же свергли, как сверг шаха он сам, возможно, и что-то иное. Как бы то ни было – стороны быстро достигли соглашения. Персидская казачья бригада разоружалась и расформировывалась. Вместо этого на территории Персии на постоянной основе расквартировывались части русской армии. Они, а также вассальный договор, где черным по белому была прописана обязанность России защитить Персию в случае вторжения извне, должны были защищать целостность и ограниченный суверенитет Персии. Все сошлись на том, что новый шах поступил мудро – содержать армию в стране, где армия служит не инструментом защиты, но инструментом политической борьбы, где всего за столетие сменились две царствующие династии, и обе – по воле армии, – лучше кормить расквартированную на своей территории чужую армию. Вернувшись, Хосейни для большей надежности расстрелял многих персидских офицеров.

Того же, что на самом деле задумал Хосейни, никто не мог даже предположить. Это был первый ход в длинной, бесконечно длинной интриге. Государство со слабой армией никем не воспринимается как опасное, способное чему-либо угрожать. И напрасно. Потому что армию можно назвать и по-другому – суть ее от этого не изменится.

Немалые деньги и силы были перенаправлены с финансирования армии, способной бороться с врагом внешним, на армию, способную бороться с врагом внутренним. Народ – вот главная опасность для шаха!

Безопасность шаха обеспечивали сразу несколько структур. Жандармерия – по сути та же армия, только без тяжелого вооружения и обращенная против своего народа. Обычная полиция. САВАК – Министерство государственной безопасности, тайная полиция. Наконец, отобранная, преданная лично шаху Гвардия Бессмертных, подготовленная по нормативам спецвойск. И все это было направлено против персов. И против политических противников.

Сам пришедший к власти в результате государственного переворота, новый шах был настоящим параноиком в вопросах обеспечения собственной безопасности. Переворота, покушения, вооруженного мятежа он боялся смертельно. И возможно, поэтому он был до сих пор жив.

Все офицеры армии, гвардии и жандармерии были разделены на тройки, в обязанности каждого входило следить за другими членами своей тройки. Если один из них участвовал в подготовке переворота или покушения – казнили всех троих. К каждому офицеру иногда подходили и предлагали совершить покушение или поучаствовать в мятеже. Тот, кому это предложили, обязан был в тот же день донести. Кто не донес – исчезал бесследно. В стране вообще был культ шпиономании, процветало и ширилось доноительство. Доносили все и на всех.

Ключевые посты в стране занимали близкие и дальние родственники шаха. Им прощались все – жадность, глупость, жестокость, – пока они были преданы. Полнейшей, рабской, собачьей верности требовал от своих подданных шах, те же, кто хоть на секунду задумывался, кто осмелился говорить – исчезали. Без следа.

Да многих из тех, кто жадным взором смотрел на престол, уже нет. Но предатели – остались. И рано или поздно они поплатятся. Все – поплатятся...

Сейчас шах ехал в Исфахан. Ехал по отличной скоростной трассе, проложенной двадцать лет назад русскими инженерами. И то, что он собирался открывать там – завод по производству удобрений, – было построено тоже русскими инженерами. И это хорошо. Но – до времени. А когда придет время, история повернет свой ход, как было не раз. И последние – станут первыми...

Колонна въезжала на мост, когда это произошло. Мост этот был не через реку, мост был через ущелье. Внизу, по бетонному желобу, искрясь, протекала вода – это была система ирри-

гации, тоже разработанная русскими и дающая возможность снимать по три урожая на этой прежде нищей и бесплодной земле. Мост был простой, бетонный, на четырех огромных опорах. И когда кортеж шаха несся по мосту, а головной «Егерь» успел съехать с него – все четыре опоры вдруг дохнули дымом и пламенем, словно там, внизу, разверзся ад...

От синхронного подрыва всех опор моста содрогнулась земля...

Шаха спасло чудо. Автомобиль, в котором он ехал, постоянно менял свое место в кортеже – и сейчас он по странному, прихотливому велению судьбы был первым из восьми. Это его и спасло – опытный водитель, почувствовав, как содрогнулась земля, больше по инстинкту, приказывавшему убираться как можно быстрее с места нападения, со всей дури врезал по газам. И восьмилитровый, восьмицилиндровый мотор-монстр под бронированным капотом выдернул машину с моста. Мост какое-то время – может, секунду, может, две – постоял на искореженных взрывом бетонно-стальных остатках того, что было когда-то его опорами, словно раздумывая, что же делать дальше. А потом медленно, в клубах пыли и дыма, начал оседать, проваливаться вниз, проваливаться очень медленно, со странным звуком, похожим на стон.

Шах протянул руку к микрофону, потому что иначе общаться с водителем, отделенным от него бронированной перегородкой, было невозможно.

– Стой!

Водитель послушно затормозил, машина пошла юзом, но тут же выправилась...

Шах сам, не дожидаясь, пока подбежит охрана, вышел из машины, жадно втянул ноздрями воздух, улавливая едкую смесь запахов – взрывчатка, пыль, дым...

– Ваше Сиятельство, нам следует уезжать! Они могут попытаться еще раз!

Смерив подбежавшего лейтенанта из Гвардии пустым, бессмысленным, мертвым взглядом, шах направился к обрыву, рукотворному обрыву, созданному за несколько секунд несколькими сотнями килограммов, а то и тоннами взрывчатки. Поняв, что, кроме него, командовать немногими уцелевшими телохранителями – девять человек, считая тех, кто в броневике, и водителей, – некому, лейтенант начал расставлять людей так, чтобы отрезать этот участок шоссе от дороги и обеспечить хоть какую-то безопасность. Снеся, смяв по дороге пару легковушек, бронетранспортер развернулся, встав поперек дороги и направив ствол скорострельной автоматической пушки на скопление машин. Остальные солдаты рассыпались по обочинам, направив винтовки во все стороны, чтобы обеспечить периметр.

Шах неспешно подошел к тому месту, где серая лента дороги обрывалась, посмотрел вниз. Поднятая взрывом пыль еще не осела, но внизу, среди искореженных обломков моста, уже можно было различить раздавленные машины и несколько черных, разбросанных, словно игрушки, раздавленных бетонными плитами бронированных лимузинов, в одном из которых мог ехать и он сам.

– Хорошо...

Лейтенант Табриз из Гвардии, почтительно державшийся за несколько шагов от шаха, держащий наготове свое оружие, едва заметно вздрогнул, когда услышал это...

А потом шах опустил на колени головой к Мекке – и начал читать Фатиху...

Прим. автора. Те, кто знаком с историей Ближнего Востока, наверное, поймут, с какого реально жившего и правившего человека списан шахиншах Хосейни. Многие из того, что будет описано дальше, также либо имело место в действительности, либо задумывалось, но было сорвано действиями служб безопасности.

28 мая 2002 года

Санкт-Петербург

Здание Собственной Его Императорского Величества канцелярии

Третий отдел

Собственная Его Императорская канцелярия располагалась в самом центре города, в старинном, с колоннами здании. Когда-то раньше здесь же располагался и Третий отдел, в те благословенные времена вообще в Империи было потише, да и преступники были не такими изощренными. Ну, посудите сами: типография – целое здание. Это сейчас принтер в каждом доме, скачал с британских сайтов инструкцию по организации массовых бесчинств или листовки с клеветническими материалами – и печатай сколько влезет.

И самое главное – материалы и в самом деле клеветнические. То и дело опровержения печатаются, с цифрами, и в Интернете материалы есть. Скачал – так ты проверь, правда это или нет, прежде чем эту гадость печатать. Но нет – запретный плод, как известно, сладок. Есть отроки, которых хлебом не корми – дай сделать что-то запретное. А эта дорожка, как известно, скользкая...

Третий отдел СЕИВК располагался в неприметном, совсем недавно отстроенном семиэтажном здании на окраине. Хотя строить его начали еще до того, как В. В. Путилов стал главой сего почтенного ведомства, они удивительно походили друг на друга – человек и здание. Серый, скучный бюрократ. Не подумайте плохого – такие люди тоже нужны, такие вот неприметные бюрократы (раньше их называли «письмоводители») как раз и двигают работу, делая ее изо дня в день, без фанфар и почестей. Но как мы с этим человеком сработаемся – не знаю.

Кабинет В. В. Путилова был на третьем этаже. Все в здании – и ковровые дорожки, и унылые дешевые двери, и одинаковые костюмы попадающихся мне навстречу людей – несло отпечаток неизбывного канцеляризма.

Ладно...

– Капитан первого ранга Воронцов, – сухо отрекомендовался я секретарше, представляясь пока старым званием, – извольте доложить о визите.

– Сейчас...

Господи... Она ж еще, наверное, Николая Второго помнит...

В приемной меня продержали десять минут – хотя готов поклясться, в кабинете никого не было. Еще один старый добрый бюрократический трюк...

– Господин Воронцов, прошу вас...

Наконец-то...

Владимир Владимирович не поленился встать из-за стола, с любезной улыбкой, которая ровным счетом ничего не значила, пожал мне руку.

– Господин Воронцов... Рад знакомству. Известная вам персона совсем недавно изволили телефонировать насчет вас...

– Благодарю! – кивнул я. – Завтра я намереваюсь вылететь на новое место службы. Поэтому я бы предпочел получить задание прямо сейчас, не откладывая.

– Как вам будет угодно, сударь... – В. В. Путилов, судя по голосу, немного обиделся, счел мое поведение обычным гонором флотского офицера, и, возможно, он был прав, – но дать вам задание будет не так просто.

Путилов потер лоб, затем сунулся в один из ящиков старомодного стола, вытащил толстую папку и плюхнул ее на стол передо мной:

– Для начала – извольте ознакомиться...

СЕКРЕТНО

Собственная Его

Императорского Величества

канцелярия

Третье отделение

Его превосходительству

Тайному советнику

Путилову В. В.

*Срочно. Лично в руки
№ А4247-ВК/00*

СПЕЦДОНЕСЕНИЕ

Настоящим сообщаю, что 22 апреля сего года исправник Али Магади установленным порядком сообщил по радиосвязи о том, что около пивного завода, принадлежащего подданному Его Величества Лейбовичу А. Ф., собирается толпа, имеющая явно погромные намерения. В соответствии с Уголовным уложением, законом РИ «О полицейских чинах и справлении полицейской службы», дежурным по городу, квартальным исправником М. Алиджани было принято решение о направлении к месту скопления людей казачьей сотни под командованием подъяесаула Сивцова. По прибытии подъяесаул Сивцов доложил, что около завода собралось не менее одной тысячи человек, настроенных явно погромно и имеющих в руках холодное оружие, палки и камни. В ответ на приказ подъяесаула Сивцова разойтись по домам из толпы закричали, что не уйдут, пока не сожгут принадлежащий Лейбовичу завод, производящий пиво, слабоалкогольные и прохладительные напитки, что Лейбович принимает на работу одних жидов, что работающие на заводе жида наполняют мочой пивные бутылки и продают их как пиво, что Лейбовича надо повесить на заводских воротах. После чего собравшиеся начали кидать в казаков камни. В ответ подъяесаул Сивцов приказал казакам сотни применить в отношении бесчинствующих спецсредства – гранаты с пластмассовой шрапнелью и газовые гранаты.

В этот момент по казакам сотни Сивцова был открыт одиночный снайперский огонь со стороны складов, расположенных за спиной бесчинствующих, примерно в четырехстах метрах от завода Лейбовича. В результате этого подхорунжий Слепых и старший урядник Кобыла были убиты, а сам подъяесаул Сивцов тяжело ранен.

Ответным огнем казакам сотни удалось подавить снайперские точки, толпа во время боя рассеялась. В районе складов, с которых велся огонь, казаками сотни был обнаружен труп неизвестного с огнестрельным ранением головы, опознанный позднее как исправник Али Магади, а также кровь и следы волочения. Никого более обнаружить не удалось.

Проведенная экспертиза обнаружила на теле и одежде исправника Магади следы пороховых газов, неопровержимо доказывающих, что Магади стрелял в казаков вызванной к месту беспорядков казачьей сотни. Сам Магади был убит пулей калибра 7,62, выпущенной из одной из снайперских винтовок казачьей сотни.

По указанным выше фактам департаментом собственной безопасности начато служебное расследование, результаты будут высланы отдельно спецдонесением.

*Остаюсь верным Его Императорскому Величеству,
полицеймейстер г. Багдад
Ибрагим аль-Бакр*

Интересно, интересно...

Я наскоро пробежал еще несколько подобных донесений. Везде сценарий один и тот же, разве что полицейских исправников на месте стычки не оставалось. Возможно, их там и не было, а возможно...

– Ваше превосходительство, надеюсь, вас не затруднит приказать принести карту Багдада. Желательно полицейскую, с указанием мест расположения полицейских, жандармских и казачьих подразделений...

Пока несли – ознакомился с оставшимися бумагами – скорее не ознакомился, пробежал по диагонали...

Принесли карту. Позаимствовав карандаш из письменного прибора, стоящего на столе у начальника Третьего отдела, я начал привязываться к карте, нанося на нее отметки, где произошли те или иные инциденты. Обычная штабная работа, нудная и на первый взгляд ненужная, но позволяющая многое понять. Путилов с интересом наблюдал за моей работой.

– Что скажете, сударь? – спросил он, когда я нанес последнюю точку и отошел, чтобы полюбоваться делом рук своих.

– Ничего хорошего. Готовится вооруженный мятеж.

– Вот как? Что заставляет вас так думать?

– Все очень просто. Расположение мест, где все это произошло. Видите? Накрывает почти весь город. Равномерно, что очень важно, во всех районах. Ваши аналитики не сумели обработать информацию, которую получили оперативники. Это проверка, понимаете? Кто-то устраивает то тут, то там инциденты и проверяет реакцию. Кто прибудет на место, в какое время, какими силами, какие действия будет предпринимать. Они отслеживают маршруты выдвижения сил правопорядка к различным точкам города, планируют, как в час Ч они блокируют их либо в казармах, либо на улицах. Кто-то готовится – и готовится очень серьезно.

Владимир Владимирович покачал головой:

– Нам надо было сразу привлечь вас.

– То есть ваши аналитики не уловили закономерности?

– Отчего же, уловили. Но на это им потребовалось три недели. И то они представили доклад, где этот вариант фигурирует как «один из».

– Проблема в том, что они не служили в армии, тем более в частях Командования специальных операций. При подготовке операций применяются одни и те же методички, и один профессионал всегда узнает почерк другого профессионала.

– Не лукавьте, князь. Проблема с кадрами родилась не по моей вине. Скажите – вот вы бы готовы были пойти сюда работать? Хотя бы сразу – ко мне товарищем⁹.

Я отрицательно покачал головой – только этого еще не хватало, в жандармерии работать. Предки в гробу перевернутся.

– Вот видите. И никто не идет. Считают ниже своего достоинства, ниже чести русского офицера работать в жандармерии. А между тем – это тоже работа и ее тоже кто-то должен делать. Если в загранке еще удастся собрать людей, то здесь...

– Ваше превосходительство, каким образом я должен собирать информацию? Я так полагаю – есть какая-то агентурная сеть, не правда ли...

– А как вы работали в Бейруте? Забыли?

Хотелось бы забыть... но такое – не забывается до самого смертного одра.

– Да, я могу дать вам выходы на жандармскую и мою собственную сеть осведомителей. Да, я могу вам написать рекомендательное письмо. Но стоит ли? Если существующие системы безопасности не дают информацию, то стоит ли их использовать?

Поразмыслив, я пришел к тому же выводу – не стоит. Если существующие сети добытия информации скомпрометированы, если где-то идет утечка, то верхом глупости будет

⁹ То есть заместителем, раньше это так называлось.

новому человеку продолжать пользоваться дающей сбои системой. В этом случае один агент, но не скомпрометированный, не учтенный в своих расчетах противником, стоит дороже целой агентурной сети...

– Вы правы, не стоит... – признался я. – Вопрос номер два – какого рода информация наиболее интересна вам?

Путилов тонко улыбнулся.

– Знаете, князь, с дворянами, тем более потомственными, в чем-то очень сложно, в чем-то очень легко. Когда я отправляю человека на работу за границу, он пишет мне подробный план, чего он намерен добиться, на нескольких листах. Завербовать источники там-то там-то, наладить канал передачи дезинформации и так далее, тому подобное. Потом приходится проверять – действительно ли человек работает или пьет горькую на чужбине. С дворянами все иначе. Его Величество не просто так остановил свой выбор на вас – хотя есть немало людей, более искушенных в оперативной работе. Поэтому – никакого задания я вам давать не буду, ни письменного, ни устного. Я поделился с вами той информацией, которая у меня есть на данный момент. Я предоставляю вам – в разумных, конечно, пределах – ресурсы, если у вас возникнет в них нужда. Во всем остальном – вы вольны действовать так, как подскажет вам ваша офицерская честь и ваш долг перед Родиной.

Несмотря на то что вариант действий был наилучшим – без мелочного контроля, – все равно отчего-то мне стало неприятно.

– Вопрос третий. Как я должен передавать вам информацию?

– Вопрос своевременный.

Путилов порылся в одном из многочисленных ящиков письменного стола, перебрал мне через стол нечто, сильно напоминающее флэш-карту для хранения данных.

– Система шифрования последнего поколения. Ключ на 2048 бит. Подсоединяете к любому персональному компьютеру, отправляете по стандартной почтовой программе все, что считаете нужным. Процедура связи – там же. Уничтожить ничего не надо, система сама позаботится об уничтожении. Восстановить информацию без второй, точно такой же карты – невозможно, сложно даже отследить факт передачи зашифрованной информации. Не теряйте. И удачи вам, господин Воронцов...

27 мая 2002 года

Персия, Тегеран

Голубой дворец

Начальник САВАК, генерал Тимур, назначенный на эту должность меньше недели назад, выбрался из черного штабного лимузина, остановившегося в паре сотен метров от парадной лестницы. Одернул китель, мельком осмотрел себя – шах не любил разгильдяйства. Взяв под руку кожаную папку, широко зашагал по мраморным ступеням парадного входа дворца, отчетливо ощущая, как перекрестье оптического прицела – наверное, не одного – замерло на нем. Да, те люди, которые сейчас целились в него, они были его подчиненными, но если поступит приказ или он сделает нечто подозрительное, они застрелят его так же легко, как хозяйка сбивает газетой муху со стены. Никогда и никого шах не наказал за излишнее усердие в охране собственной персоны, что бы этот человек ни сделал.

Генерал Тимур шел на прием к шаху, тая в душе страх. Страх – вот чего было в избытке в этой стране. Страх – вот орудие власти, универсальное, не дающее сбоев. Кем бы ты ни был, какого бы ты положения ни достиг – однажды ночью ты мог пропасть точно так же, как до тебя пропадали другие. Это уже стало нормой. Не видеть, не говорить, даже не помнить. Никто в Персии не знал, кто будет следующим, на кого упадет взгляд диктатора. Никто не мог чувствовать себя в безопасности, никто не мог знать, есть ли за ним вина – или нет. Персия не была

единой страной, в ней были две страны. Дневная страна жила, трудилась, чему-то радовалась, чем-то огорчалась. И ночная – где над людьми всевластно тяготел страх, где каждый боялся ночного стука в дверь. До рассвета доживали не все, а те, кто дожил, радовались новому дню и продолжали жить. И надеяться, что доживут до следующего рассвета.

На первом же посту охраны генерал Тимур сдал свое оружие – роскошный русский «Орел» с перламутровой рукояткой. Это стало обязательным правилом для всех: ни один человек в присутствии шаха не мог быть вооруженным. Один из предшественников Тимура очень просто вбил в голову охране, что это правило относится ко всем: когда у него не потребовали сдать пистолет, он достал его сам и расстрелял наряд. Единственным вооруженным человеком в шахских покоях всегда был сам шах – его пистолет назывался «Табанья» и имел сакральный смысл: считалось, что убийство из него угодно Аллаху. На рукоятке было выгравировано: «Воистину, Аллах скор в расчете»¹⁰. Не раз и не два шах применял его, однажды даже застрелил посмеявшегося спорить с ним министра. Это было что-то типа высшего суда, и «Табанья» олицетворяла собой самую большую власть, какую только мог иметь смертный на земле, – власть над жизнью и смертью.

По дороге к шаху генерала останавливали еще три поста – причем на постах стояла как гвардия, так и люди САВАК – и дважды его подвергали тщательному обыску. Пронести что-то в кабинет диктатора при таком режиме было решительно невозможно.

Шах находился в комнате с картами. Это была совершенно особенная комната, одна из стен ее представляла собой искусно выделанную рельефную карту всего мира, вторая – такую же карту, но самой Персии. Там же были и другие карты вкупе с трудами по военному делу. Непонятно почему, но шах любил эту комнату, быть принятым именно в ней на придворном языке означало знак доверия и одобрения. Впрочем, генерал Тимур занимал должность начальника САВАК всего несколько дней – меньше недели – и прогневать шаха ничем не успел.

Войдя в кабинет, генерал поклонился в пояс, как это и было предписано придворным этикетом. Шах – как всегда, в своей темной полувоенной форме – смерил его взглядом.

– Я рад видеть вас, генерал. – Шах не любил норм придворного этикета и в таких случаях сразу переходил к делу. – Надеюсь, вы пришли, чтобы обрадовать меня. В последнее время мои министры меня больше огорчают, чем радуют.

– Я пришел, чтобы вселить в вашу душу радость, Светлейший... Предатель Кожомжар развязал свой поганый язык и все рассказал!

Кожомжар, точнее, генерал Кожомжар еще несколько дней назад был одним из тех, при упоминании которого начинало трепетать сердце любого перса. Начальник тайной полиции, предшественник генерала Тимура, он жестокой рукой подавлял даже намеки на волнения в пределах принадлежащих шаху земель, его люди вели активную работу на всем Востоке, на самой сложной, персо-афганской границе, и еще Аллах знает где. Но, уделяя внимание делам закордонным, он забыл про внутренних врагов шаха, а они не преминули воспользоваться его оплошностью, совершив покушение на Светлейшего. Волей Аллаха Светлейший остался жив – а вот Кожомжара в живых уже не было. Сам генерал Тимур арестовал его и сам лично присутствовал при пытках, чтобы ничего не упустить. И теперь пришел рассказать Светлейшему о последних словах умиравшего Кожомжара.

– Кожомжар и впрямь оказался предателем! Это он сказал исламистам о маршруте вашей поездки, и он же достал для них столько взрывчатки! Это он предал вас, Светлейший!

Шах потер выскобленный бритвой подбородок, усмехнулся в усы.

– Какой же смерти заслуживает этот мерзавец...

Генерал Тимур опустил голову.

¹⁰ Коран 3:19.

– Увы, Светлейший. Этот негодяй заслуживает таких мук, какие не приходилось испытывать ни одному смертному. Но я виноват, я недосмотрел, и этот сын шакала умер от пыток...

На самом деле шах об этом знал. Еще одной линией его обороны были люди, которых он вербовал лично. Это были офицеры среднего звена, каждый из них был чем-то обязан шахиншаху, и каждый из них был предан ему. Еще – у каждого была большая семья, и каждый знал, что его предательство означает мучительную смерть не только для него самого, но и для всей его семьи. Один из таких офицеров присутствовал при пытках Кожмжара и передал шаху все, что тот успел сказать.

– Но есть еще семья этого предателя... – напомнил Тимур.

– Да, да... Надеюсь, их тоже взяли?

– Немедленно, Светлейший. Предателю даже на том свете не скрыться от вашей карающей руки...

– Это так.

Шах не сказал ничего про семью Кожмжара – это значило, что их всех необходимо уничтожить.

– Но то, что Кожмжар умер, не успев рассказать всего, – это плохо...

Генерала пробил холодный пот. Он знал, что эти слова означают...

– Скорее всего, он был не один. Я надеюсь, вы выявите сообщников этого шакала, Тимур? Ведь это ваша работа.

– Всенепременно, Светлейший. А что делать с теми, кого Кожмжар назвал своими пособниками? Мы знаем, где они живут, и...

– Об этом я тебе скажу сам, Тимур, когда придет время. Никогда не следует торопиться с мстью...

Шахиншах дал понять, что аудиенция окончена, но генерал Тимур не уходил. Шах вопросительно поднял брови.

– У вас что-то еще?

– Да, Светлейший, есть еще одно. Мои люди разузнали кое-что про нового русского посла, агреман¹¹ на которого испрошен царем Александром...

– И что же?

– Это очень опасный человек! Очень!

Шах слегка склонил голову, в знак того, что он внимательно слушает.

– Опасный? В каком роде опасный, мой верный Тимур?

Генерал Тимур достал из папки, с которой шел на доклад, несколько листов бумаги...

– Князь Александр Воронцов, представитель потомственного дворянского рода Воронцовых. Действующий контр-адмирал Российского флота. Из родственников в живых только дед, адмирал, начальник Главного оперативного управления Морского генерального штаба. Отец и мать погибли в Багдаде во время массовых беспорядков, последняя должность отца – генерал-губернатор Междуречья. Окончил Санкт-Петербургское морское училище, затем Академию Морского генерального штаба. В Санкт-Петербурге заканчивал разведфакультет, военно-учетная специальность «разведчик-снайпер». Проходил службу в составе специальных подразделений флота, специалист по диверсионным операциям. Участник боев в Бейруте, награжден за них боевым орденом. После Бейрута место службы неизвестно в течение целых четырех лет. Затем неожиданно всплыл в мировых СМИ как человек, предположительно предотвративший покушение на президента САСШ, был ранен, лечился в Северной Америке, в госпитале ВМФ. Потом был вывезен в Российскую империю, предположительно награжден североамериканским правительством. Поступил в академию МГШ, менее месяца назад защитил труд

¹¹ Агреман – дипломатический термин, согласие принять в качестве посла какого-то человека. Дается правительством принимающей страны.

«Нетрадиционные способы нейтрализации авианосного ордера противника», на диссертацию наложен гриф секретности. По данным, полученным из неофициальных источников, поддерживает дружеские отношения с наследником престола цесаревичем Николаем. Входит также в возглавляемый цесаревичем «Клуб молодых офицеров», в котором обсуждаются развитие армии, флота и нетрадиционные методы ведения войны. Больше информации нет.

Закончив, генерал Тимур поклонился, выказывая этим повиновение шаху...

Шах встал со своего места, прошелся по комнате. Остановился перед картой, долго смотрел на нее, потом провел пальцем по острым отрогам Кавказского хребта...

– Кысмет...¹² А как же быть с первоначальной информацией? Не далее как три дня назад ты мне докладывал, Тимур, что царь Александр просто ссылает любовника своей дочери. Как же быть с этим?

Тимур похолодел. Никогда не знаешь, когда шаха посетит гнев. А когда он его все-таки посетит, достаточно самого малого, чтобы лишиться головы.

– Это и в самом деле так, Светлейший... Но в этом может таиться и другой смысл, я счел, что не вправе скрывать такое от царя всех царей...¹³

Шах повернулся от карты, посмотрел на Тимура своим только ему присущим взглядом – пронзительным и пустым.

– Ваше Сиятельство прикажет...

– Нет! – резко оборвал своего слугу шах. – Ни в коем случае. Агреман мы на него все равно не сможем не дать, это было бы оскорблением Его Величества Александра. Пройдет еще много времени, Тимур, прежде чем ты начнешь постигать всю глубину отправления власти. Как только новый посол ступит на нашу землю, установите за ним наблюдение. Возможно, есть что-то такое, о чем не знает даже царь Александр, – и если это так, мы откроем ему на это глаза. Я сам приму нового посла и только тогда решу, что делать дальше. А теперь иди!

29 мая 2002 года

Висленский военный округ, сектор «Ченстохов»

Пункт временной дислокации

Рейдовая группа пластунов

Донского казачьего войска

– Господин сотник, мы на подходе! Две минуты! – прозвучало в наушниках.

Сотник Петр Велехов оторвался от созерцания окрестностей в иллюминаторе:

– Круг сделай над местом, прежде чем на посадку идти!

– Есть!

Вертолет слегка склонился вправо, пошел по широкой дуге над местностью. Казаки все как один пересели на левый борт, прикинули к иллюминаторам.

Холмистые склоны, покрытые лесом, в основном хвойным и смешанным. Сверкающие на солнце ленты речушек. Узкие, плохо замощенные ленты дорог.

– Хреново будет здесь работать! – балагур и болтун, здоровенный хорунжий Певцов выразил общее мнение.

Еще бы не хреново. В таком лесу – видимость метров двадцать в лучшем случае. Густой лес, валежника полно – скрытно не походишь. Если есть травяной подрост – растяжку поставить за милую душу. Плюс еще то, что они здесь чужие, а те, кто шарится по лесам, – свои...

Лагерь располагался на вершине холма...

¹² Близкий аналог понятию «судьба».

¹³ «Шахиншах» так и переводится – «царь всех царей».

Это был обычный, укрепленный казачий полевой лагерь. Двадцать километров от Ченстохова на юг. Два ряда колючей проволоки, отгораживающей большое, примерно с гектар, пространство, ровными рядами расставленная бронетехника и транспорт, несколько расчищенных и покрытых быстросъемными стальными плитами площадок для посадки вертолетов, вышки по углам, дозоры. Однообразное многорядье жилых модулей и палаток, кишаций в лагере народ – его не так много, видимо, все «на территории».

Проклятая граница...

Это было одно из самых хреновых мест службы, какое только можно придумать. Место, где почти сходятся границы трех империй – России, Австро-Венгрии и Священной Римской империи. Невозможно ни нормально организовать дежурство на такой границе, ни перекрыть ее техническими средствами. С воздуха толком не видно ничего, один лес – даже вертолеты ходят как слепые. Вариант чего-то добиться только один – все-таки перекрыть границу датчиками движения и минами, хотя и то, и другое местные научились обходить. И метаться по этим лесам рейдовыми группами, пытаясь остановить текущую рекой контрабанду.

Контрабанда...

Контрабанда здесь была всегда, на границе ею заняты целые семьи, целые поселки. Контрабанда – это образ жизни, это не преступное, а даже благородное по местным меркам дело. В контрабанду идут с малых лет, даже играющие в лесу и возле дорог пацаны имеют сотовые телефоны, и стоит им только увидеть казаков – сразу сообщают взрослым об активности властей. Соответственно, из пяти засад четыре оканчиваются впустую.

Контрабандой тащили все, что только можно. Оружие, спирт, сигареты, наркоту. Больше всего спирт. Что спирт, что сигареты в Российской империи были обложены большой пошлиной, поэтому риск имел смысл – тащили и через горы, и через таможенные посты, в тайниках на машинах. Но это еще полбеды – бедой было оружие и наркота. И того, и другого в последнее время стало подозрительно много.

А еще начались обстрелы. Лет десять назад такого не было – чтобы обстреляли таможенный или казачий патруль. Если попались – сдавались, благо за контрабанду максимальный срок – три года каторги. А сейчас, как повысили до пятнадцати лет – так и началось. Хотели как лучше, а получилось... неважно, в общем.

Вот их перебрасывали в числе прочих – самую настоящую рейдовую группу казаков-пластунов Донского казачьего войска – на усиление, имеющимися силами не справлялись. Не справлялись с потоком контрабанды через границу, даже вместе с таможенниками.

– Снижаемся! Готовность!

– Принял!

Сложновато будет, сложновато... Даже когда задачу ставили, про рельеф местности такой не довели.

Поднимая винтами бурю, вертолет медленно снизился до предельно малой, а потом как бы рывком притерся к посадочной площадке. Пилот двигателя глушить не стал, оно и понятно, его задача – довезти их и – обратно, в ППД. Бортмеханик отодвинул в сторону люк, выбросил легкую алюминиевую лесенку, огляделся.

– На выход!

Один за другим казаки-пластуны подхватили свое снаряжение, пригибаясь, прошли к люку. Их группа была чисто разведывательная, она не готовилась для боя, и поэтому в ней было только четверо пластунов, а не шестнадцать, как в разведывательно-боевых группах. Командир – сотник Велехов, из Екатеринодара, крепкий казачина, много лет оттрубивший, как его отец и дед, на Восточных территориях (там и сотника выслуживший) и приобретший несходящий, въевшийся в кожу загар. Пулеметчик – хорунжий Певцов из крупной станицы Вешенская, отпахавший срочную в десанте, самый здоровенный из всех, неунывающий балагур, шутник, забияка, не дурак и выпить – а впрочем, какой казак дурак выпить?! Он таскал на себе пулемет

ПКМ, две коробки по сто, и еще одно отделение его безразмерного рюкзака было сделано как хранилище заправленной в пулемет ленты на пятьсот патронов. Пятисот патронов, выпущенных очередями, хватало в любом случае – или чтобы оторваться, или, наоборот, подавить противника огнем. Певцов был главной огневой силой отряда. Снайпер – единственный в группе пластунов русский, хорунжий Петров, старовер из Сибири. В казаки он попал случайно, из армии сосватали и ни разу об этом не пожалели. Петров учился у мастеров своего дела, в особом учебном центре, он умел передвигаться так, что мимо проползет – не заметишь при свете дня, он умел ждать выстрела на позиции несколько суток. И стрелял – дай бог каждому. Последним был самый молодой – радист, урядник Чебак, тоже из Екатеринодара, но из пригорода. Только три года как срочную отслужил, ну и... в поле ветер, в ж...е дым, как говорится.

Такая и была – первая отдельная разведывательная пластунская группа Донского казачьего войска. Первая – не только по номеру.

Последним покинул вертолет командир, сотник Велехов. Перед тем как спрыгнуть на землю, хлопнул по плечу пилота, спасибо, мол, что довез. Пилот в ответ показал большой палец, что на сленге означало «удачи».

Спрыгнув на рифленую сталь посадочной площадки, сотник, пригибаясь, перебежал подальше от рвущего воздух несущего винта, машинально пересчитал тюки с имуществом – не забыли ли чего в вертолете. Потом махнул рукой.

Вертолет грузно оторвался от земли, покачиваясь, пошел на взлет...

– На месте, охранять имущество, – скомандовал сотник, – не разбредаться, не болтать. Я до штаба.

Оставив имущество без хозяйского присмотра хоть на несколько минут – поминай, как звали. Казаки – они такие.

– Приказный, стоять! – приказал сотник, чуть отойдя от посадочной площадки. – Где тут у вас штаб квартирует?

– Налево, господин сотник, вон в ту улицу, – показал молодой приказный весьма легкомысленного вида, – и до конца. Три большие палатки рядом.

Охраны у штаба никакой не было – видимо, считали, что внешнего периметра охраны достаточно. У одной из палаток стояла группа младших чинов и два офицера, они курили, один рассказывал что-то, размахивая руками, второй недобро матерился, поминая всех святых. По незнакомому сотнику мазнули взглядом, но честь не отдали и разговор не прервали. Обстановка была совсем не армейской.

Откинув брезентовый полог, сотник вошел в среднюю палатку.

Обставлена изнутри палатка была довольно пристойно – складные стулья, две походные кушетки, карта на столе, еще одна на чем-то, напоминающем мольберт, только больше по размерам. На двух столах – аппаратура связи.

Среднего роста, крепкий, усатый, немолодой полковой есаул поднял голову на вошедшего. Глаза у него были красные от хронического недосыпания.

– Сотник Велехов, – отрекомендовался вошедший, – первая отдельная разведывательная группа пластунов. Прибыл для дальнейшего прохождения службы.

Есаул потряс головой, будто отгоняя комаров. Дошло – только через несколько секунд.

– Да... сотник... вчера насчет вас телефонировали из Екатеринодара. Помню. Сколько человек с вами?

– Трое, господин есаул.

Есаул скривился, как от зубной боли.

– Трое? – переспросил он.

– Так точно.

Есаул помолчал.

– Вот козлы... – устало выругался он. – Просто паразиты, и все.

Есаул устало покачал головой, заговорил, будто сам с собой:

– Ведь докладывал, граница не перекрыта. Нет, шлют четверых... – На этом месте он махнул рукой и закончил уже громче: – Садитесь, сотник...

Сотник пододвинул себе стул.

– Значит, довожу обстановку вкратце. Точнее тебе замбой¹⁴ скажет, и с таможи человек, у них здесь хоть какая-то разведка агентурная есть. Это мы словно котята слепые. Вот здесь, – карандаш в руке есаула очертил большой круг по обе стороны границы, – порядка как не было, так и нет. Что с той стороны, что с этой поляки. Краков – типичный польский город, только по ту сторону. Весь город контрабандой живет, там одного спирта – эшелонами завозят. Мы здесь на усилении стоим, агентуры никакой, просто выставляем секретами – и все. Еще патрулируем – кое-как. Таможенники – не лучше. Оттуда – ходят каждую ночь, кто-то и по две ходки сделать успевает. Со стороны Римской империи – оружие идет, тоже немало головной боли. И чем дальше, тем больше – вот здесь на днях спиртопровод замаскированный обнаружили. Только с нашей стороны – четыре версты длиной. Сколько они успели спирта перекачать – неизвестно. Говорят, и тоннели подземные есть, и по ним добро идет.

– Подземные тоннели? – сотнику показалось, что он ослышался.

– Именно, сударь, именно. Подземные тоннели.

Сотник присвистнул.

– Это сколько ж надо труда, чтобы такое выкопать...

– Копают целыми деревнями. И выкапывают.

– А обстрелы, господин есаул?

– Обстрелы... Обстрелы – это новая мода. Лес, сами понимаете. Обстреливают чаще всего издали, просто чтобы мы остановились, вызвали подмогу, а они тем временем смоются. Особых потерь нет, но досаждают изрядно. Еще через границу то и дело каторжники просачиваются.

– В какую сторону?

– И в ту, и в другую. Ихние – к нам, наши – к ним. Там набедокурил – шашть через границу сюда. Здесь чего натворил – туда ушел. Эти тоже могут дел наделать. Они трусливые, но если прижать... Крыса, зажатая в угол, бросается на человека.

Сотник кивнул, соглашаясь.

– Господин есаул. Хотелось бы – хотя бы кратко – по задачам группы.

– По задачам группы. Конкретно задачи будет ставить замбой, подьесаул Чернов. И еще... есть у нас офицер связи от таможи, на нем агентурная работа с агентами таможенного управления. По необходимости будем придавать вас, потому что по селам в одиночку ездить... можно и пропасть без вести. На пятерых уже не сунутся. А так, если кратко. Задача номер один – поиск в нашей зоне ответственности складов с оружием и контрабандой, троп переправки контрабанды, взлетно-посадочных полос легкой авиации, схронов и тому подобной дряни. Задача номер два – реализация агентурной информации. У контрабандистов большие деньги. – Есаул немного помолчал, потом продолжил: – И я не могу никому доверять. Информация утекает как через сито, в полиции на них работает каждый второй, тем более что полицейские – все местные. Я хочу создать нечто вроде оперативно-боевой группы. Куратор от таможенников со своей агентурной сетью и вы. Чем меньше народу, тем меньше риск, что кто-то растреплет. Узнали что-то – сходили на реализацию, для полноты эксперимента не докладывая даже мне. Посмотрим, что получится. Задачи ясны?

– Вы упомянули о взлетно-посадочных полосах. Тут что – и самолеты летают?

– Не самолеты. А дельтапланы. По ночам. Каждый мотодельтаплан от пятидесяти до двухсот пятидесяти килограммов груза берет, а за ночь не один рейс можно сделать. Двести

¹⁴ Замбой – заместитель командира части по боевой подготовке.

кэжэ – четыре бочки-пятидесятки со спиртом как раз, а тихий – с пятидесяти шагов уже не услышишь. И взлетает – с пятачка. Вот и прикиньте – сколько такие вот дельтапланеристы за одну ночь денег зарабатывают. Здесь все на деньгах, в приграничные села зайдите. Больше половины нигде не работает – у каждого дома по две-три машины стоят, дома кирпичные, двухэтажные, заборы тоже кирпичные. Мужиков мало – кто на каторге сидит, кто по ту сторону границы товар принимает. Кто-то и здесь – отдыхает или товар ждет. Вот так вот.

Сотник изумленно покачал головой. Про то, что на границе орудуют контрабандисты, он знал, но про то, что творится такое, – и ведать не ведал...

Видя это, есаул по-доброму улыбнулся.

– Да не вешайте нос раньше времени, сотник. Я тут уже третью командировку кувыркаюсь – и нормально. А если бы я взял все то, что мне предлагали, – наверное, самым богатым человеком на Дону был бы. Сейчас вас на довольствие поставим – и отдыхать до вечера. Сегодня в двадцать часов – оперативное совещание офицерского состава, там вас представим офицерам части. Оружие вы свое привезли?

Сотник первый раз сталкивался с тем, что оперативное совещание проводят не утром, а вечером, под ночь, считай. Но ничего говорить не стал.

– Так точно.

– Это хорошо. А машину я вам дам. Даже две. У меня тут с техникой нормально.

– Как насчет вертолета, господин есаул? – решил наглеть до конца сотник.

Есаул мрачно посмотрел на нового подчиненного.

– Дяденька, дай закурить, а то так жрать хочется, что переночевать негде? Так, что ли?

– Виноват!

– Вот-вот, – есаул немного задумался, – в разумных пределах обеспечим, конечно. Но заявки заранее подавать, а то всем «вчера» надо – на всех не напасешься. Понял?

– Так точно.

Есаул пошарил на столе, нащупал рацию.

– Витренко? Ты где ходишь там? Ко мне зайди.

Через несколько минут в кабинете появился толстяк – видимо, всем зампотылам¹⁵ на роду написано быть толстыми – в новенькой форме и с роскошными запорожскими усами.

– Сотник Витренко, зам по тыловому, – представил своего зама есаул, – а это сотник Велехов. На усиление к нам прибыл.

Офицеры кивнули друг другу.

– На все виды довольствия поставь на сегодня, их всего четыре человека. Посели поближе к воротам, им часто выезжать придется. И дай две машины. Небольшую, и... у тебя тот «Выстрел»¹⁶ с ремонта пришел?

– Так точно.

– Ну, вот его и дай. Да ты не колотись, сотник. Машина новая совсем, просто подорвалась, ее на ремонт отправили. Пока ремонтировали – мы новую успели получить. Новую же я у людей отнимать не буду, а отремонтировали нормально.

Подорвалась?!

Этими словами есаул хотел успокоить сотника, мол, с машиной мучиться не придется, но получилось так, что только больше обеспокоил.

– «Егерь» тебе на повседневные разъезды, а «Выстрел», если куда с группой усиления надо будет ехать или откуда чего вывезти. Да и бронированный он как-никак.

¹⁵ Зампотыл – заместитель командира части по тыловому обеспечению.

¹⁶ «Выстрел» – двух- и трехосные дешевые броневики, похожие на БТР-152, но больше размером, на гражданском шасси АМО. Вооружение – в стандарте один пулемет НСВ 12,7 и один АГС, но в крыше есть шесть больших люков и у каждого – пулеметное крепление. То есть теоретически на длинном «Выстреле» можно разместить до 6 ПКМ. Вес примерно 16 тонн у трехосного.

– Вас понял, – машинально ответил сотник, думая о своем.

– Тогда – вставай на довольствие и отдыхай до вечера. Осматривайся. Завтра – с утра у меня... И да... финаттестаты начфину сдай. Третья палатка, спросишь хорунжего Краснова.

Сотник Витренко хозяйствовал в большом, отделенном рядом колючей проволоки быстровозводимом ангаре. Тут же, рядом, был мехпарк – просто навесы для техники, не более того. Зимой, наверное, тут несладко – не Сибирь, но все же.

– Сначала с размещением разберемся или как? – осведомился Витренко.

– С размещением.

Сотник достал толстый, засаленный грассбух, с преувеличенно важным видом его полистал – тыловики любят строить из себя центр вселенной.

– В третьем модуле места есть, тебе как?

– Там народа много?

– Как раз четыре места свободные. Могу палатку дать – просторнее, но...

Ага...

– Не надо палатку. Модуль нормально.

Витренко записал что-то в грассбухе, захлопнул его.

– Матчасть сегодня будешь принимать или до завтра терпит?

– А чего тянуть? Разместимся, пожитки бросим – и примем.

Сотник Витренко покачал головой, будто недовольный чем-то.

– Как вам будет угодно. Идемте.

Модуль был не новый, но в хорошем состоянии, судя по внутренностям – крыша не подтекала. Вместо настежь открытой двери – легкий полог против насекомых. Кондиционера нет, душно. Велехов с тоской вспомнил Аравию – там в каждом модуле кондиционер и баллон с водой стоит. Потому как жарко...

– Которые?

– Вот эти четыре.

Конечно же, у самого прохода. Так всегда и бывает – последними занимаются места у самого прохода – беспокойнее всего здесь спать, люди ходят, да и слышно все через дверь. Для пластунов же – в самый раз. Может, придется выходить из модуля ночью, да и не думают те, кто дальние места занимает, что, может, придется покидать модуль под обстрелом.

У каждого – примитивная кровать, свет, наподобие штурманского, с одной стороны – деревянный шкаф для личного имущества, с другой – железный, запирающийся – для оружия. Как и во всей армии – у казаков оружие старались держать поближе к солдату, Восточные территории научили жизни.

– Размещаемся. Пять минут.

Привычные к кочевой жизни казаки справились и быстрее – раскидали часть содержимого рюкзаков, заперли оружие в сейф – с пулеметом наперевес целый день таскаться не самое легкое занятие.

– Теперь за матчастью, – решил сотник.

Неспешно прошли к мехпарку, народу по пути попадалось мало – видимо, все в поле. Встречные офицеры на новеньких не обращали никакого внимания.

– Многие спят еще, – пояснил Витренко, – по ночам в поле ходят, днем спят. Правда, в последнее время и днем таскают контрабанду, обнаглели совсем.

Откуда-то тянуло дымом...

Сотник Велехов хмыкнул, но ничего не сказал.

Мехпарк на выезде охранялся всего двумя казаками. Витренко махнул им рукой и прошел, на остальных они и вовсе не обратили внимания – в форме, и ладно. Все было по-простому, на Востоке меры безопасности намного строже.

– Так... – Витренко сделал вид, что задумался, а может, и в самом деле задумался, – машину, пожалуй, эту берите...

«Егерь», в который сотник Витренко ткнул пальцем, стоял вторым от выезда. С виду – нормальный, не ушатанный, хотя проверить надо.

– Певцов, Чебак – проверьте машину. Двигатель погоняйте.

– Есть!

Ключи от машин висели совершенно открыто, на гвоздике, на столбах, поддерживающих пологи. Без ключей – нельзя, угонят на выезде и на запчасти разберут, не посмотрят, что армейская машина.

– А «Выстрел» где?

– Дальше...

«Выстрел» ждал их на противоположной стороне мехпарка – зеленый, носатый, угловатый. Броневик сопровождения, не бронетранспортер – но в таких условиях он даже полезнее будет.

– А пулемет где?

Положенного крупнокалиберного пулемета на турели не было.

– А зачем он вам, – простецки ответил сотник Витренко, – АГС же есть. Пулемет у вас свой есть, поставите вместо крупняка.

– Э... нет. Так не пойдет. Ты зачем машину разукomплектовал? Что положено, то и давай.

Сотник Велехов знал, что если не выцыганить, что положено, сразу у зампотыла – вообще потом никогда не получишь. В Аравии легче, там можно трофеями разжиться, хоть и редко. А здесь еще неизвестно.

– Так зачем он вам? Вас же четверо всего.

– Четверо – не четверо, не важно! Мне куда АГС твой? В лесу он – на хрен нужен? А НСВ – на два кэмэ достать может, и в лесу дерево пробьет, и в городе – стену кирпичную. Давай, сказал, пулемет.

Витренко махнул рукой.

– Посмотри – потом подъедешь, дам я тебе.

– Посмотрю – потом пойдем на склад, и дашь мне пулемет. Может, машина еще кому нужна будет – и зачем она без пулемета?

Не дожидаясь ответа, Велехов подошел к машине, медленно обошел ее по кругу. Хоть и отремонтировали, а все понятно. Машина поймала даже не фугас, а самую настоящую мину. Не противотанковую, после противотанковой только на списание, но противотранспортную. А это – тоже не сахар с маслом. Поймала правым передним колесом, водила, видать, цел остался, хотя и контузило наверняка. Еще в четырех местах на кузове – следы обстрелов. В одном месте – серьезная пробоина заделана, интересно, из чего били. Интересно, интересно...

Сотник привычно открыл водительский люк, забрался в машину, огляделся. В десантном отделении порядок, но пулеметов, конечно же, нет ни одного. В комплекте к этой машине два ПКМС идут, их можно и со станка использовать, и как ротные. Ничего удивительного – машина формально ничья, и чтобы пулеметы не тиснули? Щаз...

Велехов попытался включить внутреннее освещение – без толку. Уже понимая, в чем дело, пытался завести машину, повернул тумблер, раз, другой, стартер зажужжал, прокручиваясь, – без толку...

Ну, как же. Еще и аккумулятор свежий тиснули...

Глядя на мрачное лицо Велехова, выбирающегося из машины, сотник Витренко примитивно поднял руки.

– Ладно. Пошли до склада – там все.

По пути попались Певцов и Чебак.

– Ну?

– Нормально вроде... – ответил Чебак.

– Вроде – у тещи в огороде! – разозлился Велехов. – Ты двигатель погонял на режимах? Если в дороге заглохнет – тебя до рембата бегом отправлю!

Не понимая, с чего это так психанул командир, молодой урядник Чебак сделал озабоченное лицо...

– Да погоняли, погоняли. Семьдесят тысяч машина прошла, движок с полтычка завелся. Не стучит, не дымит, не троит – нормально.

– Вооружение?

– Дашка¹⁷, старше меня, но ухоженная. Ствол новый, ковровский.

– Добро. Броня?

– Нету...

Велехов повернулся к Витренко:

– Броников еще дашь. Значит, Певцов, заводите машину – и к складу. Чем таскать на горбу – довезем в одну ходку что получим.

– Есть!

На склад сотник Витренко запустил одного только Велехова – любой разумный зампотыл понимает, что если солдат попал на склад, то не тиснуть что-нибудь он не может. За спинами ровно пыхал выхлопом «Егерь»...

– С чего начнем?

– С крупняка начнем.

Прошли мимо заполненных в несколько этажей стеллажей с разным военным имуществом в самый дальний угол склада. Там, на расстеленной на полу ветоши стояли целых три «крупняка» – Дашка, НСВ¹⁸ с оптикой и совсем новый КОРД¹⁹, тоже на станке, но без оптики. Как на выставке, честное слово.

– Давай. Грабь, раз пришли.

Грабь... Три пулемета зажал – грабь... Вот ведь клещ...

Велехов быстро прикинул. Если пулемет предполагается не носить на горбе, а возить, то лучше всего, конечно, Дашка, ДШК. Она тяжелее, и темп стрельбы у нее меньше – а при таком патроне и то, и другое дает повышенную точность. Но одна Дашка у них уже есть. НСВ хорош тем, что на нем оптический прицел, но если в лесу шарахаться – тут и без оптики справишься. Вот в Аравии, в пустынях и нагорьях, он бы без разговоров НСВ взял, именно за оптику, а тут – еще вопрос. Последний – КОРД, самый современный, у него ствол очень живучий, при стрельбе его не ведет. Оптике нет, хотя можно и поставить. Но у КОРДа есть одно неоспоримое преимущество – его можно снять с турели и использовать без станка, ни один другой пулемет такого калибра использовать так невозможно. ДШК у них не мобилен, а если этот пулемет будет за ними записан, то при случае они могут устроить где-то засаду, без брони, но с крупняком. Четыре человека – как раз хватит вытащить пулемет с лентами на позицию и его обезопасить. Да, точно.

– КОРД беру, – отрезал сотник, – теперь обычные пулеметы где? От «Выстрела», который вы разукомплектовали.

– Да зачем он тебе. Один же есть, в турель поставишь.

– Один. Надо как минимум два. Один по одному борту поставим, другой – по другому. Мне что – прикажешь под огнем пулемет с турели на турель переставлять?

¹⁷ Дашка, ДШК 12,7, старый, но очень надежный пулемет.

¹⁸ НСВ – пулемет Никитина – Соколова – Волкова, калибр 12,7. Восьмикратный оптический прицел в комплекте, мощное и дальнобойное оружие.

¹⁹ КОРД – модернизированный НСВ.

– Ну, тогда хоть один. Все равно у тебя один есть, второй, бес с тобой, дам. У тебя же четыре человека только.

Сотник подумал.

– Давай один. Но тогда еще четыре броника дай, на окна в «Егере» повесить... и саперных зарядов еще дай.

– Заряды-то тебе зачем?

– Надо.

– У тебя же сапера в штате нет.

– Я и есть сапер. Нештатный. Подумай сам – набредем на схрон или аэродром тайный. Что с ними делать? А так – подорвем, и все, чтобы больше не было мороки. И аккумулятор не забывай, аккумулятор надо.

Так, наседавая внаглую, помимо пулемета и аккумулятора, сотник Велехов получил еще один ПКМС, два ящика с тротильными пашками, бухту детонирующего шнура ДШ-А, несколько электрических машинок для подрыва старого образца. Вот как надо – сам себя не обеспечишь, никто не позаботится.

Погрузив все в машину, доехали обратно до мехпарка. Вчетвером сменили аккумулятор на «Выстреле» – и машина радостно взревела мотором, приветствуя своих новых хозяев. КОРД, ПКМС тоже поначалу поставили, но потом сняли. Велехов решил держать его при себе в шкафчике с другим вооружением и брать по надобности.

Проверили люки и крепления для пулеметов – на этой модели броневика десантные люки в крыше откидывались наружу, превращаясь в своего рода щит, прикрывающий бойца от дороги. Десантироваться неудобно, но есть ведь еще большой люк в корме и люк, ведущий к сиденью водителя. А это – как раз при обстреле, чтобы, прикрываясь люком, отстреливаться в ответ из штатного либо, установив пулемет, – из него. На Востоке, бывает, и все шесть пулеметов ставят – машина как еж, ошестинившийся стволами, получается.

Вернулись – залегли «на боковую». Хороший казак засыпает сразу, как только представляется возможность, – никогда не знаешь, когда такая возможность представится в следующий раз...

Вечером, в двадцать ноль-ноль по местному времени, состоялось оперативное совещание офицерского состава части. Началось оно с представления вновь прибывшего, потом есаул Дыбенко долго и с удовольствием костерил последними словами казачье – опять обнаружили в расположении спирт. Казаки такого никогда не упустят, но случаи, когда подсовывали метиловый спирт и люди из-за этого слепли или вообще намертво травились, были, и не раз.

Спирт, конечно же, из трофеев, утаили. Поэтому и решили: не может быть, чтобы он был паленым. Но в том-то и дело, что бывает в жизни – всякое.

Потом доложили о ходе выполнения поставленных задач, об обстановке в секторах ответственности, распределили новые задачи. Велехову пока ничего не дали, и это правильно – надо несколько дней, чтобы с обстановкой ознакомиться, разведке без этого – никак. Заканчивая совещание, есаул еще раз – для закрепления – в сильно нецензурной форме объяснил, что с кем будет, если он опять найдет в расположении спирт.

После совещания сотник поймал взгляд своего непосредственного начальника, замбоя, подьесаула Чернова. Тот едва заметно кивнул. Отошли.

– Куришь? – спросил Чернов, доставая сигарету из пачки дорогого, не пайкового «Князя Владимира».

– Нет.

– Что так?

– А в засаде попробуй – три дня без курева? Проклянешь все на свете, лучше уж вообще не курить.

Подьесаул расхохотался, едва не выронив сигарету.

- Продуманный ты, сотник. Ничего, что я на «ты»?
- Да нормально. У нас поговорка бытует: «вы» – это вы...у, выдеру, высушу.
- Оно так. Здесь первая командировка?
- Верно.
- А крайняя где была?
- Крайняя... В Аравию мотался. Вышки охранял, нефтеперегонные заводы. Местную гвардию обучал.
- И как?
- Сотник сплюнул.
- Жить можно. Но хреново. Правда, два жалованья платят, даже без боевых. Жарко, ажник дышать нечем, от солнца солнечный удар – запросто. Всякой дряни полно – змеи, скорпионы, многоножки. Лихорадку – тоже запросто подхватить. Воду во многих местах пить нельзя, не вскипятив.
- А вояки местные?
- Вояки? Тяжко с ними. Пять раз в день все бросают – встают на намаз, Аллаху молиться. Ураза – днем не жрут, ночами нажираются. Рамадан – вообще небоеспособны. Там, где офицер нормальный, следит за всем – там боееспособные части. А где офицеру все до лампочки – вооруженный сброд.
- Да? А говорили – есть нормальные специалисты.
- Это если одиночки. Есть – нормальные, даже очень нормальные специалисты, те, кто училище закончил, а еще лучше те, кто с детства в русском кадетском корпусе обучался. Вот те – нормальные специалисты, но они специально стремятся с нашими служить, а не со своими. А кого так набирают – лучше бы не набирали...
- Понятно...
- Подъесаул выпустил густой клуб дыма, понаблюдал, как он медленно уплывает в расцвеченное мириадами звезд небо.
- А здесь что?
- Бардак полный здесь, вот что... – подъесаул смачно выругался.
- Слушай, Дмитрий... – спросил Велехов, – если здесь такой бардак, почему мы в командировки мотаемся? Почему нас нанимают? Почему регулярной армии нету?
- Чернов посмотрел на него недоумевающе.
- Понятно... Хорошо, доведу, раз не знаешь. В двадцатые годы был подписан Берлинский мирный договор. По этому договору каждая из договаривающихся сторон обязана была отвести регулярные воинские части от границы не менее чем на восемьдесят километров, создав пограничную демилитаризованную зону. Но разрешались части народного ополчения и таможня. Вот мы, казаки, и есть части ополчения, иррегулярные части вроде как. Наемники. С той стороны то же самое – ландвер²⁰ стоит, вояки так себе. Тут и так скандал на скандале – и Австро-Венгрия, и Священная Римская империя, и Британская империя требуют признать казаков частями регулярной армии. Мы – не признаем, потому что мы и впрямь ополчение. Вот и мотаемся по командировкам. Хорошо хоть техники вдоволь дали, потому что в оперативном штабе Круга тоже не дураки сидят. Количество частей ополчения в приграничной зоне ограничено, а вот техники – нет, за исключением артиллерии и самолетов. Когда договор мирный подписывали – ничего и не было, кроме артиллерии и самолетов. Вот поэтому нас так мало тут, а техники нам дают сколько надо, за исключением артиллерии, потому как тут – мирные селения. В технике мы не ограничены.
- Понятно... – сплюнул на землю сотник.
- Тебе матчасть выдали нормально?

²⁰ Ландвер – народное ополчение Священной Римской империи и Австро-Венгрии.

– Нормально, проверили.

– Сколько тебе времени надо, чтобы ознакомиться с обстановкой?

– Трое суток.

Подьесаул усмехнулся.

– Извини – сутки. Потом нагружу сверх всякой меры. Людей совсем нет, каждый человек на счету. У нас тут и так, считай, наш есаул – это весь штаб, остальные все – боевые. Я и сам в поле хожу. Сектор нашей ответственности видел?

– В три раза больше, чем мы закрыть можем, если принять во внимание рельеф.

– То-то и оно. Здесь, чтобы границу перекрыть, ночью надо посты в десяти метрах друг от друга ставить. Так что иди отдыхай. Пока можешь.

Сотник остановил вопросом уже потушившего сигарету Чернова.

– Дмитрий... а что там Дыбенко про какого-то таможенного офицера говорил? Что-то связанное с агентурной разведкой.

Чернов остановился.

– Не было его пока. Он перед нами не отчитывается, просто в курс вводит. Прикомандированный. Будет – познакомлю. Пойдем – я карту тебе дам, для работы.

30 мая 2002 года

Аэропорт Мехрабад

Тегеран, Персия

Экипаж был опытный – приземления я даже не почувствовал. Просто в какой-то момент взвыли моторы, переходя на реверс, – и самолет начал замедлять скорость...

Тегеран...

Это не Багдад, город тысячи и одной ночи, город-сказка на русском Востоке, город-центр, город почти что столица, город – штаб-квартира всех работающих на русском Востоке компаний, город, утопающий в нефтяных деньгах. Это не Бейрут, загадочный и манящий, стремительно отстраивающийся, блистающий великолепием побережья с его небоскребами, бульваром Корниш, яхтенными стоянками. Тегеран был своим – и одновременно чужим, современным – и одновременно древним, привлекательным – но где-то и опасным. И стоило мне только ступить на трап, как я уловил, буквально кожей почувствовал что-то недоброе. И дело не в предостережении Путилова, что не стоит воспринимать этот город как свой. Просто здесь и в самом деле было что-то... такое.

По статусу посланнику Российской империи не полагалось ездить на автомобилях нерусского производства – и я не удивился, увидев у трапа длинный, черный, словно облитый стеклом «Руссо-Балт». Почти такой же экипаж возил Государя. Многие задавались вопросом – как мастерам «Руссо-Балта» удавалось достичь такого эффекта при окраске? Открою секрет – пятнадцать слоев краски, после нанесения каждого идет полировка. В результате достигается эффект глубины окраски, машина и впрямь смотрится словно облитая стеклом. Но это дорогое удовольствие, и позволить себе такую роскошь может далеко не каждый. «Руссо-Балт» стоит дороже даже британского «Роллс-Ройса».

Рядом с лимузином стояла полицейская машина – внедорожник, зелено-белого цвета. Несколько полицейских застыли у трапа, и все как один – с оружием...

Стоило мне сойти с трапа, как ко мне чуть ли не кинулся еще один персонаж – невысокий, рыжий, явно не перс.

– Ваше превосходительство? Меня зовут Варфоломей Петрович, Кондратьев Варфоломей Петрович, до вашей аккредитации исполнял обязанности посланника. А так я торговый атташе и одновременно второй секретарь. Как долетели, как погода в Петербурге? Знаете, я четыре года уже в Петербурге не был, моей супруге противопоказан сырой климат, и даже отпуска мы проводим не в России. Прошлый раз мы ездили на Маврикий, там...

Господи...

Видимо, теряю квалификацию, что-то отразилось на моем лице – потому что господин Варфоломей Петрович Кондратьев резко замолчал. Господи, кто имя-то ему такое предложил дать, оно же устаревшее, сейчас так младенцев не называют. Еще бы Акакием назвали, как было у Гоголя...

– Варфоломей Петрович... Мы должны пройти какие-то процедуры при въезде в страну, как я понимаю, это нужно сделать, здесь не свободный въезд...

– Да... я взял на себя смелость захватить таможенного офицера, он вон в той машине. Извольте ваш паспорт, ваше превосходительство.

Паспорт мне выдали новый – даже не в зеленой, дипломатической, а в коричневой обложке. Такие были только у чиновников по внешним сношениям – в ранге не ниже Чрезвычайного и полномочного посла, а внутри Российской империи – как минимум надо было дослужиться до тайного советника. Тиснение на обложках выполняли настоящим золотом.

Буквально выхватив у меня паспорт из рук, господин Кондратьев поспешил к полицейскому внедорожнику, заговорил что-то на незнакомом мне языке со скоростью пулемета. Да... фарси мне надо будет учить, чтобы хотя бы на бытовом уровне объясняться. Без этого задание будет выполнить проблематично, а вот попасть в ловушку, наоборот, проще простого.

Таможенные формальности заняли на удивление много времени, я-то помышлял, что с дипломатическим паспортом проблем будет меньше. Наконец Варфоломей Петрович подбежал с паспортом ко мне.

– Покорнейше прошу простить... Здесь ужасная бюрократия. Фарда, пасфарда²¹ – их любимые слова. Но зато сразу визу и на выезд тоже поставили...

О как!

– А что, здесь есть и виза на выезд?

– А как же? И на въезд, и на выезд...

Первый раз с таким сталкиваюсь. Обычно визы ставятся только на въезд. А чтобы ставили и на выезд...

– А что, и подданным такие визы ставят?

– Подданным-то как раз и ставят. По Венской конвенции дипломатический персонал перемещается беспрепятственно, но лучше все-таки поставить. Мало ли, наткнешься в аэропорту на какого-нибудь... вчера от кетменя. А нервные клетки – они не восстанавливаются, знаете ли...

– Может быть, поедем в посольство? Признаться, здесь жарко.

– Да, да, конечно, ваше превосходительство...

«Руссо-Балт» был, конечно же, «Руссо-Балтом». Восьмилитровый мотор и гидропневматическая подвеска, на которую специально купили лицензию. Летишь будто, а не едешь.

Первым делом я поднял стекло, отделяющее салон лимузина от водительского места – я сильно удивлюсь, если водитель машины посла не завербован местной службой безопасности. Равно как и весь технический персонал посольства.

– Варфоломей Петрович... у меня к вам небольшое предложение.

– Весь внимание.

– Видите ли... Я не имею никакого опыта в представлении интересов страны. Тем более в ранге чрезвычайного и полномочного посла. Честно говоря, меня тяготит повседневная работа. Если бы вы согласились исполнять ее, как исполняли раньше... тем самым вы бы заслужили мою признательность и солидную прибавку к жалованью. Надеюсь, что эта просьба с моей стороны не будет сочтена за дерзость?

²¹ Фарда, пасфарда – завтра, послезавтра (*фарси*). В Персии не принято прямо отказывать, вместо этого затягивают вопрос до бесконечности.

– О, ничуть, – торговый атташе даже обрадовался, – мне это нисколько не в тягость, Ваше превосходительство. Я даже буду рад продолжать исполнять те же обязанности, что и раньше... со всем уважением к вам, конечно.

Первая проблема решена. И решена как нельзя лучше. Общеизвестно, что должностью посла часто награждают родовитых людей, либо людей, которых надо отправить в почетную ссылку, подальше от Санкт-Петербурга. Готов спорить на червонец, что про мои петербургские похождения знает все посольство. И меня здесь воспринимают именно как сосланного в почетную ссылку. Поэтому моя просьба совершенно нормальна и ожидаема. А я тем самым выиграю время – для исполнения других, тайных обязанностей, его потребуется немало...

Проскочив на скорости ворота VIP-терминала, машина, сопровождаемая полицейским внедорожником, выскочила на отличную, шестиполосную – по три в каждую сторону – бетонную автостраду, ведущую в город. Случайно или нет, но в Тегеране три аэропорта – и все три располагались как минимум в двадцати километрах от города.

Машин было немного – грузовики, автобусы, обычные легковушки. В основном белого цвета, что ожидаемо – жара. Ехали довольно быстро, места на дороге хватало.

На обочине мелькнул громадный плакат, настолько огромный, что я даже удивился – высотой по меньшей мере с четырехэтажку.

– Что это? – я указал пальцем за окно.

– Это... Это тут везде. Белая Революция, через полтора месяца очередная годовщина. Главный государственный праздник страны, три дня не работают.

– Белая Революция? Что это означает?

– Белая Революция – это главное событие в жизни всего прогрессивного человечества в двадцатом веке. Благодаря Белой революции слабый и продажный режим Пехлеви был свергнут, и к власти пришел царь всех царей шахиншах Хосейни. Да святится, да пребудет, да здравствует в веках и все такое прочее...

Ирония русского дипломатического работника мне была хорошо понятна. Нормальный человек не станет себе воздвигать плакат с четырехэтажку высотой.

– Собственно говоря, шах Хосейни и в самом деле немало добился. До него Персия просто продавала России нефть и газ, а все, что нужно, закупала, тем и жила. Теперь шах строит какую-никакую промышленность, здесь даже автомобили по лицензии производятся. Атомные реакторы есть, сталь варят, удобрения делают. Только нефть по-прежнему нам продают, потому что таковы условия договора. А мы здесь просто поджариваемся, как на сковороде...

– А чем в основном посольство занимается?

– Ну, в основном – обслуживание торгового обмена. Есть аппарат Главного военного советника, все контакты по армии – на нем. Здесь народ особенный, русские купцы понятия «фарда» не понимают. А суда здесь нормального нет, перс перса не осудит никогда. Ну, когда приходит время вмешиваться – вмешиваемся. Только осторожно. А то недавно к шаху вошли с жалобой, что кто-то из местных товар не поставил и деньги не вернул. Денег так и не дождались, а купчину этого через пару дней безо всякого суда казнили. Еще недавно скандал был – партию рефрижераторов задержали, всего-то на пять суток, а крика-то было, крика... Так что тут осторожнее надо быть. Вот это вот строительство, промышленность развивающаяся – и есть Белая революция. Есть программа развития, она так называется. Каждые пять лет шахиншах обращается к народу на тему, что сделано и что сделать еще предстоит. Неплохо, на мой взгляд.

– Неплохо, – согласился я, – а как тут дела с мятежами, с терроризмом? Я слышал, тут спокойно...

– Спокойно... как в морге. Это в прямом смысле. Хватают по одному подозрению. Двое разговаривают – один потом обязательно донесет, о чем бы ни шел разговор. Но иногда схватить не успевают – вы понимаете, о чем я?

– Понимаю...

– Недавно совсем было, на днях. Взорвали мост, по которому должен был ехать шах, он сам едва уцелел. Об этом – ни слова. Ни в одной газете, ни на одном телеканале.

– Шах жив?

– Жив... а вот директор САВАК пропал вместе со всей семьей. И никто даже вопросов не задает – был человек, и нет человека...

– И кто теперь директор?

– Генерал Абумаджид Тимур. Раньше отвечал за контрразведку.

– А предыдущего...

– Здесь в таких случаях даже не судят. Пропал человек – и все.

Тегеран вырастал на горизонте – загадочный, почти европейский, судя по безликим квадратным корпусам серого бетона.

– Что здесь производят?

– Да много всего. Это не Китай. Шах умный человек. Здесь у людей есть собственные авто, собственные корабли, собственные железнодорожные локомотивы. Много выпускается по лицензиям, но есть и свое. Недаром шах огромные деньги вкладывает в атомную энергетику – здесь у Атомспецстроа целый город построен.

– Город?!

– Ну да. Екатеринбург-300 называется. Восемь с лишним тысяч постоянных жителей плюс те, кто вахтовым методом работает.

– И сколько уже построено?

– Двенадцать реакторов введены в строй. Из них – десять тысячников²², два – полуторатысячники. Есть шесть строящихся, четыре из них полуторатысячники – вот и считайте.

Я примерно прикинул. По уровню энергообеспеченности Персия превосходила любой регион Российской империи – а возможно, и всего мира.

– Зачем столько? Куда девать свободные мощности?

Кондратьев зевнул.

– Не знаю. Они платят – Атомспецстрой делает. Линии высокого напряжения протянули. На Востоке ведь кондиционеры у всех. Летом потребление вырастает лавинообразно, возможности купить свободную мощность всегда рады. Ну и... промышленность развивается как-никак.

На въезде в город стоял полицейский пост. С танком! Я даже не думал, что они где-то еще сохранились²³. Самый настоящий «Богатырь-6», старый, с нарезной пушкой калибра сто пять миллиметров, если по-иностранному мерить. Если по-нашему – выходит четырехдюймовка. Еще два пулемета – оба крупнокалиберные, пятилинейные. Неповоротливая, но опасная машина, особенно если против слабовооруженного противника.

– Откуда это здесь?

²² Тысячник – то есть мощность 1000 мегаватт. Полуторатысячники, на 1500 мегаватт, – самые мощные реакторы из существующих.

²³ Современный танк – это, по сути, бессмысленная машина, все, что она может, – бороться с себе подобными. В этом мире основные боевые танки перестали производить в семидесятые годы. Теперь основа огневой мощи танковой дивизии – это шестидюймовые универсальные гаубицы. Для артиллерийской поддержки применяются семи-, восьми- и десятидюймовые гаубицы. Причем даже десятидюймовые гаубицы выпускаются мобильными. А старые корпуса танков переделали в машины прорыва. Корпус танка переделан под колесный ход, восемь ведущих колес и башня с оборудованием, самым разным. Задача таких машин – активные действия в тылу противника, отряды таких машин вводятся в прорыв и за счет быстроходности уходят в стратегический тыл противника. Нечто вроде блицкрига.

– Скупили. Здесь вся военная техника наша, кое-что не продаем, конечно, а вот такие вот раритеты – продаем только так. Шах скупает.

Последние танки сняли с вооружения ведущих армий мира в середине семидесятых. Проблема заключалась в том, что появились современные средства уничтожения танков не прямой наводкой, управляемыми снарядами с гаубиц, управляемыми боевыми элементами крупнокалиберных РСЗО²⁴. На смену танкам пришли универсальные шестидюймовые и восьмидюймовые гаубицы и штурмовые самоходки.

– Не все, значит, продаем?

– Не все, конечно. Самолетов здесь нет, боевых вертолетов – тоже. Современные РСЗО и гаубицы также под запретом. Но старую технику все равно девать некуда, а против народа и против террористов ее хватает. И еще – парады устраивать. Здесь очень любят парады, наши дивизии тоже участвуют.

Разумно...

Пост проскочили без досмотра, в то время как остальные вынуждены были ждать на жаре в своих машинах. Проверяли документы сплошняком, где-то и машины обыскивали. Представить такое на Восточных территориях сложно...

– Почему такие меры?

– Чрезвычайное положение. По случаю покушения на Светлейшего. Очередного.

Очередного?

– Очередного?

Варфоломей Петрович вздохнул:

– Очередного. Конечно, все это только слухи – но за последние пару лет было как минимум три покушения и заговора. Все заговорщики, естественно, уничтожены, об этом запрещено не только говорить, но и думать. Только нам, дипломатам, можно об этом говорить, потому что иммунитет...

– Сами-то давно здесь?

– Почитай, пятый год уже.

Солидно...

Мы въехали в город – скорость движения сразу снизилась, машин в городе слишком много. Не только легковых, но и грузовых, а также спецтехники. Наличие подобных машин на улицах – верный признак того, что город строится и развивается. Для такой толчеи двигались довольно быстро, во многих местах были построены двухуровневые развязки вместо перекрестков, еще в каких-то местах – тоннели. Тоннели здесь строить – одно удовольствие, не то что в стоящем на болоте Петербурге.

– Куда сейчас?

– В посольство. Ознакомиться с обстановкой. – Я посмотрел на календарь в часах. – Завтра, кстати, выходной. Как раз будет время обустроиться...

Кондратьев с жалостью взглянул на меня.

– Какой выходной? Выходные послезавтра начинаются.

– То есть, – не понял я, – разве выходной не в пятницу?

– Нет. Шах запретил. Выходные, как в Европе, суббота и воскресенье, у многих только воскресенье, и все. Отмечать религиозные праздники запрещено.

Мда-а-а... В Империи – несмотря на все связанные с этим проблемы – к югу от Босфора и в Казани выходной день – пятница. А здесь – получается, за Европой тянутся. Ох, напрасно. И тому, что мост взорвали, удивляться не стоит. Нельзя так с верой, если эта вера искренняя. Европейцами здесь все равно никто не станет, а вот дополнительное раздражение в общество это вносит.

²⁴ Реактивная система залпового огня.

Посольство Российской империи при дворе шахиншаха Персидского располагалось на улице Императора Александра Четвертого²⁵, названной так в знак уважения к величайшему императору Руси. Ирония судьбы – рядом с нами, на соседнем участке, располагалось посольство Великобритании. Нехорошее соседство, особенно учитывая то, что меня в Великобритании знают как облупленного. Остается надеяться, что британские дипломаты способны любезничать даже с людоедом – шпиона и террориста как-нибудь перенесут.

Само по себе посольство, точнее, представительское здание (здание основного аппарата, здание аппарата главного военного советника, представительство Атомстройэкспорта, представительство Русказа, другие представительства находились в специально построенных зданиях в других местах) больше походило на богатую виллу где-нибудь на юге. Например, на наш, Воронцовский дворец в Одессе, только размерами больше, и парк тоже пообширней, и даже с арыком. Парк, огороженный чугунной оградой, и впрямь был хорош – вековые сосны и платаны, дорожки, посыпанные речным песком и мелким красным щебнем, лужайки, беседки... Тот самый арык, из которого, как я узнал, можно даже пить.

Само здание – старинное, конца позапрошлого века постройки, с виду недавно капитально отремонтированное. Сильно портили вид отсвечивающие позолотой окна – их поставили для того, чтобы солнце не нагревало своими лучами, и этим самым все безнадежно испортили. Превратили в этакий новодел. Про себя я подумал, что окна надо заменить.

Кабинет посла находился на втором этаже и представлял собой последовательность четырех комнат – присутствие²⁶, где никого не было, сам кабинет посла, еще один кабинет с двумя столами, в том числе шахматным, вроде как предназначенный для переговоров в приватной обстановке. И последняя маленькая комнатка с холодильником, парой кушеток и всем прочим, что необходимо, если хозяину кабинета потребуется остаться на ночь.

На столе – слой пыли, на ежедневнике – прошлый год. В одном из ящиков стола я обнаружил две пустые бутылки «Столового вина № 5»²⁷ и одну полную. Бутылки я немедленно выкинул. Код сейфа мне сообщили, сам сейф был старым и сиротливо пустым. В общем и целом – предыдущий посол работой себя не утруждал...

Грязь в кабинете – непролазная, надо сказать, чтобы убрали. Карандаши даже не заточены. Окна тоже нуждаются в том, чтобы их помыли.

Выглянул в окно – только чтобы увидеть мелькнувшую по дорожке серую тень. Кошка – видимо, в парке их немало, прикормились. Люблю кошек – тихие и умные животные. Таким же подобает быть разведчику.

У Кондратьева я истребовал местный справочник по органам власти и дипломатическим представительствам. После чего, найдя перо и чистый лист бумаги, начал выписывать посольства и составлять график визитов...

30 мая 2002 года

Варшава, Царство Польское

Гданьская набережная

Космы седого тумана, окутывавшие город ночью, отступали под настойчивыми ударами солнечных лучей, прятались в извилинах старинных улиц, ныряли в лениво текущую Вислу, опасливо прижимались к древним кирпичным стенам зданий центра города. Над древней Варшавой вставал рассвет.

²⁵ В нашем мире это улица Нефль Ле Шато, названная так в честь местечка под Парижем, где жил какое-то время (меньше года) имам Хомейни. До этого она называлась улицей Черчилля, и там действительно есть наше посольство.

²⁶ Присутствие – так раньше называли приемную.

²⁷ То есть водка.

Среди тысяч экипажей – почему-то автомобили здесь называли именно так, хотя мы в дальнейшем будем называть как привычно, – так вот, среди тысяч экипажей, заполонивших в этот утренний час улицы Варшавы, ярким пятном выделялась алая открытая «Мазерати», которую уверенно и даже лихо вел высокий светловолосый человек. Он отличался ростом, выправкой, изумительными темно-голубыми глазами, некоей небрежностью в манерах – не одной варшавской паненке суждено было потерять покой в этот день. Чтобы описать его парой слов и при этом сохранить идеальную точность, следовало бы сказать – истинный ариец. Слава Йезусу²⁸, в этом благословенном мире слова «истинный ариец» не имели такого жуткого смысла, какой они имеют в некоторых других. И молодой граф Ежи Комаровский, поручик лейб-гвардии Варшавского гусарского полка при дворе Его Величества Императора Российского Александра, подобного значения этих слов тоже не знал.

Молодой граф Комаровский служил в Санкт-Петербурге вынужденно – служба в Гусарском, Его Величества полку не считалась среди польских аристократов престижной. Все дело было в отце молодого графа – в свое время он совершил нечто такое, после чего сыну ничего не оставалось, как пойти на службу к русскому императору. В Висленском крае, как называли это место русские национал-патриоты, или в Царстве Польском, как говорили патриоты польские, места графу Комаровскому не было.

В Санкт-Петербурге граф Комаровский прослужил без малого три года – и город ему понравился. В первую очередь – графа радушно принял питерский высший свет, во всех петербургских салонах он был желанным гостем. Молодой красавец поляк, поручик лейб-гвардии гусарского полка, из состоятельной и титулованной семьи – желанная добыча для любой незамужней петербурженки. Для замужней, кстати, тоже, потому что чем-чем, а благочиньем в семейной жизни Санкт-Петербург никогда не отличался. Граф Комаровский, в свою очередь, не отказывался от благосклонности ни тех, ни других – но сердце его по-настоящему никому не принадлежало. Вот из-за одной такой истории, в которой дама сердца оказалась-таки замужней, граф Комаровский и вернулся в Варшаву – ему дали двухмесячный отпуск в полку, поправить здоровье.

Сейчас младший граф Комаровский катил через громадный, возвышающийся над Вислой мост Александра Четвертого – подарок великого русского императора одному из столичных городов. Официально назывался он мостом Дружбы, но все его так и звали – мост Александра Четвертого. Польская шляхта этот мост ненавидела – считалось, что он обезображивает облик старой Варшавы, но как бы то ни было – шесть полос движения в каждом направлении плюс второй этаж, предназначенный для поездов, задачу пересечения Вислы, особенно в часы пик, сильно упростили. До того как построили мост – в час пик пробки стояли аж до проспекта Войска Польского.

Позади недовольно загудели, граф вернулся из заоблачных высей на грешную землю, ловким маневром пришпорил горячего итальянского скакуна, сменил полосу...

Графу Ежи не хватало Варшавы. В этом смысле – кто бы что ни говорил – он был патриотом своей страны и своего народа. Нигде он не чувствовал себя так, как в Варшаве. Перезвон старых трамвайчиков в центре, подпирающие небо острые шпили костелов, зловещие стены замков на берегу Вислы, одуряющий запах свежего хлеба в булочных по утрам. В Варшаве было нечто такое, чего не было в надменно-аристократичном Петербурге, нечто такое, что заставляло сердце любого поляка трепетать. Немного похож на Варшаву был Киев, и если бы был выбор – граф Комаровский служил бы там. Но – по негласному распоряжению военного министерства – в Киеве не было ни одного польского офицера. Были везде – в Петербурге, в Москве, – а в Киеве не было. По известным причинам...

²⁸ Йезус – Иисус, так произносят поляки.

За то время, пока граф Ежи служил в Петербурге, более русским и менее поляком он не стал. Но своего отца он понимал и поддерживал. Воевать с Россией смысла не было, поднимать восстание – тем более. Такие восстания уже были, закончились они большой кровью – польской, русской, результата же никакого. Просто русских было слишком много, и русские умели хорошо воевать. Но русские были и великодушными, они даже сделали Варшаву одним из столичных городов. Молодой граф Комаровский был, как и его отец, имперцем, он понимал, что случись Польше обрести независимость, она станет всего лишь маленьким, незначительным государством, зажатым в тиски между Российской империей на востоке и Священной Римской империей германской нации на западе. Речь Посполитую не воссоздать – слишком сильны соседи, за счет которых ее предполагается создавать. А раз так – лучше довольствоваться тем, что есть, и гордо служить в армии самого большого и сильного государства в мире.

Сейчас Ежи Комаровский ехал к отцу. Старый граф Тадеуш служил в аппарате генерал-губернатора и командовал Висленским военным округом (был еще Варшавский. Польша по военным округам была поделена надвое), будучи генералом от артиллерии (если именовать старыми чинами) русской армии. Такая система военного управления территориями сохранялась сознательно – ради обеспечения единоначалия в армии и лишнего напоминания полякам, что они все-таки вассалы.

Штаб Висленского военного округа располагался на Гданьской набережной, прямо у самого моста, напротив Зоологического сада. Когда построили мост, припарковаться нормально стало и вовсе невозможно. Вдохнув, граф Комаровский свернул в совершенно другую сторону и нашел место для парковки едва ли не за километр от нужного ему здания. И то – место он захватил едва ли не силой, втиснувшись на него, как только от тротуара отъехала старенькая «Варшава», под возмущенный гул клаксонов водителей. Припарковался он лихо, и будь рядом полицейский²⁹ – не миновать бы ему штрафа.

Умная машина, подчиняясь нажатию кнопки, подняла над водительским местом многослойный тент, мигнула фарами, вставая на охрану. Небрежно бросив пульт сигнализации в карман, граф Комаровский неспешно зашагал по тротуару в нужном ему направлении, наслаждаясь, словно классической музыкой, неспешным говором его соотечественников. Польской речи в Петербурге ему тоже очень не хватало...

Эту девушку он заметил, когда до нужного ему места оставалось метров триста. Вспоминая потом то, что произошло, он так и не смог воскресить в памяти момент, когда она появилась перед ним. Просто будто из воздуха: только что ее не было – и вдруг нá тебе...

В первую очередь граф Комаровский, как тонкий ценитель женской красоты, конечно же, обратил внимание на фигуру девушки. Понаблюдав секунд десять за плавным колыханием бедер под коротким летним красным платьем (как шутили остряки в гусарском полку: «Производит плавные движения бедрами, провоцирует своим присутствием, понимаешь...»), граф пришел к выводу, что он будет последним глупцом³⁰, если не воспользуется дарованным ему судьбой шансом...

А посему граф слегка поднажал, догоняя девушку. Как и он, она шла к зданию штаба Висленского военного округа, а возможно, и к расположенной за мостом Цитадели – мрачной ставке русского генерал-губернатора Варшавы. И еще у нее была сумочка, большая такая кожаная сумочка, даже сумка, совершенно не подходящая к ее платью...

И графу Комаровскому это стало сильно не нравиться. Сумка эта.

Возможно, если бы он служил в каком другом полку, он бы и внимания на это не обратил – сумка как сумка. Но он служил в полку, расквартированном в Санкт-Петербурге и приписанном к Русской Гвардии. А это значит – ему, как и всем его сослуживцам, давали трехмесяч-

²⁹ Полицейский.

³⁰ «Дурак» по-польски так и будет – «глупец».

ный антитеррористический курс. Полк, как и все полки Русской Гвардии, расквартированной в Санкт-Петербурге, часто привлекался к обеспечению безопасности важных, государственного значения мероприятий. Пусть только в качестве оцепления – но все равно, основы борьбы с терроризмом они должны были знать, поскольку какие-то инциденты можно было предотвратить в зародыше. Такие безумные случаи, как с Александром Вторым Освободителем, когда террорист натаскал во дворец столько взрывчатки, что шестьдесят человек при взрыве погибло, или когда один бомбист бросил бомбу – и никто не воспрепятствовал царю подойти к раненым, никто не воспрепятствовал второму бомбисту бросить в царя еще одну бомбу, – такие случаи не должны повториться.

Граф Комаровский на сумку внимание обратил. Слишком тяжелой она ему показалась, судя по тому, что на ремешке почти не покачивалась и ремешок заметно оттягивала.

Девушка шла, не обращая на окружающих внимания, – а он наблюдал за ней уже внимательнее. И кое-какие приметы, для неопытного глаза незаметные, выделял. Например, кроссовки – это с таким-то платьем и на такой-то девушке! Вполне возможно, что кроссовки она надела потому, что в туфлях на шпильках особо не побегаешь. А возможно – еще почему-нибудь, может, просто ей наплевать на свой внешний вид. Да нет, не наплевать... И эта сумка...

Так, забыв о желании посетить отца, граф Ежи прошел за девушкой мимо здания штаба Висленского военного округа, нырнул под мост – там было продолжение набережной. И, когда впереди закричала сирена, оповещающая о проезде особо важной персоны, а девушка резко ускорила шаг, перейдя почти на бег, он понял, что пора вмешаться.

Девушка оказалась спортивной, тренированной – но с поручиком Русской лейб-гвардии ей, конечно, было не тягаться. В несколько скачков граф Ежи нагнал ее, обхватил так, чтобы блокировать руки, и с возгласом «Пшепрашем, пани»³¹ увлек ее в темноту, к гигантским, упирающимся в берег опорам моста...

В следующий миг у графа посыпались искры из глаз – девушка молча и с недюжинной силой врезала ему коленом промеж ног, да так, что граф едва не упал.

– Ах ты, курва! – в этот момент, кроме этого непристойного выражения, больше графу ничего не пришло на ум.

– Москаль, пся крев!³² – прошипела девушка.

Графу ничего не оставалось, как применить удушающий прием, девушка слабо трепыхнулась, но почти сразу обмякла. Женщина, даже очень хорошо тренированная, в рукопашном бою против мужчины не выстоит...

Придерживая ослабевшую, полузадушенную даму одной рукой, граф быстро обшарил сумочку. И нашел то, что он и опасался найти, – автомат «Инграм М-11» под патрон девятикурц с длинной обоймой и две новейшие осколочные гранаты.

Ежи, не суйся...

Усилием воли граф подавил слабый глас разума, как это делал почти всегда. Как и многие поляки, принимая какое-либо важное решение, граф в первую очередь советовался со своим сердцем, а с головой частенько и вовсе забывал посоветоваться...

– Бастард!³³ – девушка довольно быстро пришла в себя.

– Граф Ежи Комаровский, к вашим услугам! – отойдя на пару метров и держа сумочку в руках, поклонился граф. Им начало овладевать то самое злобно-веселое настроение, под влиянием которого совершают разные безумства.

– Эй, ты! Оставь пани в покое, а не то кишки выпустим!

³¹ Прошу прощения, пани.

³² Пся крев, собачья кровь – любимое польское ругательство. Москаль – понятно и без перевода.

³³ Бастард – ублюдок (польск.).

Граф Комаровский резко обернулся. Двое, с ножами, оба молодые, и видно, что оба – не бандиты. Просто пытаются сойти за бандитов и спасти безнадежно проигранную партию. Ну, хорошо – поиграем!

Граф Ежи резко размахнулся и забросил сумочку вместе с гранатами и автоматом в Вислу. Затем осторожно двинулся вперед.

– Бегите! – резко сказал он по-русски, и в этот момент бандиты бросились на него. Как он и рассчитывал, русская речь сорвала их с места.

Возможно, будь он простым полициянтом или офицером местной безпеки³⁴ – лежать бы ему под этим мостом с выпущенными кишками и перерезанным горлом. Но в русской армии всем, даже младшим чинам, давали курс САМБО и САКОНБ³⁵, а желающим, вместо простонародного САМБО, – Сават. Несмотря на то что время рукопашных схваток и холодного оружия давно кануло в прошлое, знать это считалось необходимым.

И поэтому граф в нужный момент резко ушел влево, пропуская нож мимо себя, подножкой сбил с ног одного и оказался лицом к лицу со вторым. Тот сделал бестолковый выпад вперед, провалившись всем телом, – граф поймал вооруженную ножом руку, захватил ее и прижал к боку. Правой рукой нанес прямой удар по сонной артерии, мгновенно выбивший сознание из бестолкового противника. Отпустил, развернулся, чтобы оказаться лицом к лицу со вторым, но тот, бросив нож, уже улепетывал со всех ног из-под моста...

Девушка молча ждала, она даже не пыталась убежать. Лишь сейчас, чуть отойдя от горячки рукопашной схватки, граф понял, насколько она красива. Такие совершенные создания рождались только в аристократических семьях – и даже родинка на щеке была всего лишь еще одной гранью совершенства.

– Пойдем! – было не до политесов, граф просто схватил ее за руку и бесцеремонно потащил за собой. Она подчинилась и даже не пыталась сопротивляться. Так, полуведя, полутаща ее, граф дошел до оставленной им машины, слава Деве Марии, она все еще стояла на месте, и даже без подsunутой за стекло квитанции штрафа за неправильную парковку. Припавший к земле хищный итальянский стальной зверь приглашающе мигнул фарами.

– Хорошо москали платят за предательство...

– Неплохо, – согласился граф Комаровский, – ты еще моего дома не видела. Тоже москали за предательство подарили. Садись!

Лихо стартанув с места, граф вывернул на Зигмунта Слонимского, потом, с нарушением правил, ушел на широкую, забитую машинами Маршалковскую. Путь его лежал в один из тихих варшавских уголков – парк Императора Александра Пятого, разбитый на деньги Его Величества рядом с ботаническим садом. Там можно было спокойно поговорить, без назойливого внимания любопытной публики.

Найдя место для парковки, граф как всегда лихо направил туда свою машину, прижав недовольно взвизгнувший тормоз в последний момент. Изумительное крещендо восьмицилиндрового итальянского форсированного мотора оборвалось на полуслове.

Девушка просто сидела и смотрела перед собой. Казалось, ей было все равно, что с ней будет, как сложится ее судьба.

– Как ты думаешь, что ты намеревалась сделать? – спросил граф.

Девушка не ответила.

– Кто дал тебе автомат и гранаты? Ты что, собиралась стрелять?

– Ты можешь делать со мной все, что захочешь. Можешь меня избить, изнасиловать, повесить – но я все равно ничего не скажу.

³⁴ Державна Безпека – государственная безопасность.

³⁵ САКОНБ – Специальный Армейский Комплекс Ножевого Боя. Что такое САМБО – думаю, знают все.

*Матка боска...*³⁶

– Что, не терпится, чтобы тебя изнасиловали? Зачесалось? Ты из-за этого решила стать убийцей?

Какой-то реакции граф все же добился – в виде пощечины, которую он без труда перехватил.

– Подонок!

– Йезус Мария... Сначала я ублюдок, а теперь еще и подонок. Слишком много за один день. Ты собиралась стрелять в русского генерал-губернатора? Но для чего?

– Тебе не понять! Ты продался москалям!

– Продался москалям? А ты с ними борешься! Великолепно! Как думаешь, что случится, если ты застрелишь генерал-губернатора? Пришлют другого – вот что случится! А тебя повесят! Бывала когда-нибудь на экзекуции?! Веревка, люк под ногами, палач. Конвульсии. Иногда перед исполнением приговоренному специально ломают руки, вместо того чтобы связывать. Ты этого хочешь?

– Я не боюсь!

– Ты не боишься. А твои друзья? Те, что решили тебя выручить? Один из них пытался меня зарезать и не продержался против меня даже пяти секунд. Второй вовсе – побежал стирать штаны. Они – бояться?

– Это их дело.

– Да нет. Это – и твое дело тоже. Крепость цепи равна крепости самого слабого ее звена. Если твои друзья только и могут, что удирать с полными штанами, выйдя вдвоем против одного поручика лейб-гвардии, как же ты с такими трусами освободишь Польшу?

– Ты поручик лейб-гвардии?

– Хвала Йезусу, наконец ты это поняла. Граф Ежи Комаровский, поручик Его Величества, лейб-гвардии Польского гусарского полка.

– А ты не родственник...

– Родственник. Граф Тадеуш Комаровский, генерал от артиллерии, командующий Висленским военным округом, – мой отец.

– Теперь понятно. Яблочко от яблони, так говорят москали? Предатель, и отец тоже предатель! Подмоскальники!

– Шановна пани, может, вы соизволите представиться?

– Графиня Елена Ягодзинская! – с вызовом воскликнула девушка, причем имя свое она произнесла на русский манер, Елена, а не Хелена.

Вот оно как...

– Так вот... пани графиня... Извольте выйти вон из моей машины! Я могу стерпеть оскорбление в свой адрес, но никогда не стану терпеть оскорбления в адрес моего отца!

Графиня Елена замерла от неожиданности, потом открыла дверь «Мазерати» и выбралась наружу, каждую секунду ожидая, что ее остановят. Танцующей походкой пошла в сторону ботанического сада, потом не удержалась – повернулась и показала совершенно неприличный, бытующий только в простонародье жест. Потом повернулась и бросилась бежать...

– Вот курва... – непечатно выразился младший граф Комаровский, взглянув на хронометр. На встречу с отцом он безнадежно опоздал. И его жалким оправданиям – мол, предотвращал террористическое покушение на генерал-губернатора, – угадайте с одного раза, поверит отец или не поверит?

30 мая 2002 года

Висленский военный округ, сектор «Ченстохов»

³⁶ Матка боска – мать божья.

Поднялись с самого утра – если на ознакомление с сектором всего один день, то этот день следует потратить с максимальной пользой. Быстро развесили бронежилеты на окна, уложили в багажник все имущество – включая «лишний» ПКМС.

Поехали...

Выехали на длинную, укатанную грейдером и посыпанную щебнем дорогу, ведущую к КПП части. Сделано умно – два кольца обороны – внешнее и внутреннее. Внутреннее – намного выше внешнего. Если кто-то атакует периметр – сначала ему придется прорываться под огнем через первую линию инженерных заграждений, а потом наступать на вторую – снизу вверх по голому полю и под огнем. Сотник мог дать руку на отсечение, что под деревья между первой и второй линией обороны заложены заряды, да и на поле тоже мин набросали и растяжек наставили. Оборонились, в общем.

– Петро, – хорунжий Петров положил руку ему на плечо, – смотри! На пять часов, воздух.

Сотник посмотрел в распахнутый настежь люк в крыше – и через несколько секунд, всмотревшись до рези в глазах, обнаружил в светлеющем небе небольшую точку.

– Разведывательный беспилотник.

– Так точно...

Серьезно работают. Возможно, и ударный – одну управляемую ракету он может нести.

На укрепленном КПП – бетонные блоки, ДШК и бронетранспортер в капонирах – пропустили сразу, подняли шлагбаум, даже документы не проверили.

– Несерьезно как-то... – выразил общее мнение Чебак, когда отъехали.

– Мабуть³⁷, на обратном пути проверят, – сказал сотник, – сейчас что проверять.

– Куда, командир?

Велехов развернул карту, примерно прикинул.

– Сейчас давай направо. В километре отсюда – дорога на Катовице, налево. Вот и прокатимся для начала туда – до самой границы. Только проселками.

– За пулемет встать?

– Пока отставить пулемет.

Дорога на Катовице была, причем приличная – бетонная и три полосы в каждом направлении. Но они не стали на нее выезжать, а вместо этого пошли параллельно, проселками. Впрочем, и проселки здесь были не такие, как на Дону, – хорошие, выровненные, почти без колеи, во многих местах – гравием засыпанные, а где – и с асфальтом...

– Хорошо живут... – проговорил Чебак.

– Европа... – подхватил Певцов.

– Рты закрыли! – пристрожил сотник. – Не на прогулке. Продолжать наблюдение, нам тут потом на брюхе ползать.

И в самом деле Европа – даже лес какой-то не такой, не говоря уж про дороги. Поля – тоже чистенькие, ухоженные. Дорога – как новенькая. Но никто такому не завидовал. Казаки – люди простые. Живем на Дону – как предки жили, Государю служим. В командировки вот ездим, платят хорошо, выслуга опять же день за два. На Дону – курени³⁸, скот, земля. Казачий круг сам делами вершит, самоуправление, кто хочет – к сохе, кто хочет – винтовке. Кто хочет от дел отойти – у того земля, паши – не хочу. Чего ж еще надо. А то, что дорога гравием не посыпана, – так и бес с ней, с дорогой. Проехать можно – и добре. Если кто жизни учить придет – так ведь казаки и в Берлине, и в Париже, и в Багдаде побывали. Надо – еще где побываем, в Лондоне там или в Вашингтоне, если не понял кто.

Дорога петляла по лесу, бросалась то вниз, то вверх. В некоторых местах до деревьев – рукой подать, огонь откроют – ахнуть не успеешь.

³⁷ Может быть, так донские казаки иногда выражаются.

³⁸ Курень – дом (казацк.).

– Внимание! – Петров что-то услышал, насторожился.

Защелкали предохранители, патроны в патронники дослали все, выезжая из части. Здесь – не шутки.

Что происходит – стало понятно парой десятков метров дальше по дороге. Они выскочили на верхнюю точку холма, дальше была ложбина – и в этой ложбине попыхивал солярным дымком такой же «Выстрел», а рядом притулился зеленый полноприводный АМО. На «Выстреле» у пулемета дежурил казак. Стоявшие у машин казаки целились в них – тоже слышали, но как только увидели «Егеря», оружие опустили.

– Чебак, – сказал сотник сидящему за рулем старшему уряднику, – на месте стой. Бдительность не терять, может, это ряженные.

Это тут бдительность теряют, а как на Восток в командировку скатаешься – всех и вся будешь подозревать.

– Понял.

– Бдительность не терять, – повторил строго сотник, – если что, уходишь за скат, и оттуда начинаете работать.

– Есть.

Сотник вышел из машины. Пудобнее перехватил автомат, не торопясь, приглядываясь, пошел вперед.

– Здорово дневали, казаки! – поприветствовал он по-свойски стоящих у машины.

– И вам здравия, господин сотник, – раздалось нестройное...

– Старший кто?

Невысокий хорунжий шагнул вперед.

– Хорунжий Суздальский. Кубанское.

Понятно, соседи...

– Сотник Велехов. Донское. Сломались, что ли?

– Никак нет.

– А что?

– Да нычку нашли, господин сотник. Опять спирт³⁹, тонны три, и стволы. Вывозить надо.

– Не ваш же вроде сектор?

– Наш – не наш. Информация поступила – на реализацию сходили. Если бы через штаб, как положено, – тут этого спирта уже не было бы.

Ага, и еще спирт найденный государство за хорошие деньги принимает. Зачем соседям информацию отдавать?

– Оно так. Сходим?

Хорунжий зачем-то взглянул на часы.

– Зараз можно...

Сотник повернулся к машине, сделал знак рукой – «нормально»...

Идти было непросто – от дороги местность уходила вверх так резко, что приходилось карабкаться, цепляясь за кусты. Почва тоже была большей частью песчаная, нормальной опоры ногам не дающая.

Круча уступила место ровной местности.

– Господин сотник...

– Да?

– Видите?

³⁹ Насчет спирта. Спирт был гораздо менее доступен, чем сейчас, бутылка водки продавалась только в государственных магазинах и стоила, если брать масштаб цен, раз в двадцать дороже, чем в нашем мире. Поэтому контрабанда спирта и незаконный розлив водки были очень выгодным занятием. Казаки, кстати, тоже бражку ставили и самогон гнали – но только для личных нужд, а не на продажу.

Велехов проследил за пальцем хорунжего, примерно прикинул. Кора дерева повреждена, вроде цепляли сюда что-то. Но не растяжку же...

– Растяжка?

– Никак нет. Тут лебедку крепили, вот кора и повредилась. Из проезжающих – кто будет так, как мы, в гору карабкаться? И не наткнется никто, по крайней мере, случайно. А так – машину под горку подогнал, лебедку переносную зацепил за дерево – она тут в схроне была вместе со всем, – и все. Надо – спускай спирт в машину, надо – поднимай из машины и ныкай. Такая лебедка до пятисот килограммов зараз тянет. Мы, считай, по этому повреждению на коре схрон и нашли.

– Ясно...

Схрон был всего шагах в двадцати от обрыва. Нечто вроде крытой землянки с хорошо замаскированным входом. Можно что угодно хранить. Или даже кого угодно – если людей через границу переправляешь. Сейчас вход в землянку был разрыт, а рядом стояли три казака с автоматами и...

Га... да никак баба...

Баба стояла над ямой и что-то писала, видимо, протокол, а казаки молча стояли рядом.

Не обращая внимания ни на казаков, ни на бабу, сотник подошел к расстеленной на земле плащ-палатке, взглянул. Шесть стволов. Все – германские, фирмы «Эрма», но под наш калибр 6,5 – не казачий, а пехотный. Все – новенькие, в заводской смазке еще, на одном из автоматов – цейссовский оптический прицел. Недешевое оружие. И не гражданское, самое что ни на есть армейское, не уступающее тому, что у казаков.

– Что, шесть стволов тут было? – спросил Велехов, обращаясь к казакам.

– Так точно, господин сотник. Бывает и больше.

Сотник присвистнул.

– Не мешайте мне!

Не обращая внимания на раздраженный женский голос, сотник встал на колени у входа в нору, начал ощупывать пальцами землю, пытаясь понять, насколько она утоптана и как долго пользовались схроном.

– Вы кто такой вообще?!

Сотник убедился, что схроном пользовались изрядно, вся земля утоптана на входе, как асфальт. Потом неторопливо встал на ноги, отряхнул форменные шаровары.

– Сударыня, тот же самый вопрос я могу задать и вам. Кто вы такая и что вы тут делаете?

– Я Эмилия Кристич, майор таможенной службы Польши! – возмущенно, с вызовом проговорила женщина.

О как! Аж Польши...

– А я сотник Донского казачьего войска Петр Михеевич Велехов. В Висленском крае, – название «Висленский край» сотник выделил голосом нарочно, – нахожусь в служебной командировке от Донского казачьего войска.

Слова «Висленский край» вызвали ожидаемую реакцию – женщину всю передернуло, она пошла красными пятнами, но оглянулась на стоящих рядом казаков, на хорунжего, с интересом наблюдающего за всем этим, и ничего говорить не стала.

– Как бы то ни было – вы мешаете составлять мне протокол изъятия контрабанды! Отойдите от ямы, вы все следы затопчете!

– Да тут уж как стадо слонов пробежало. Ладно, ладно, не буду мешать...

Вместе с хорунжим пошли обратно, к машинам.

– И не совестно вам, казакам, бабе подчиняться?! – спросил сотник.

– Так мы ей и не подчиняемся, господин сотник, – ядовито ответил Суздальский, – это прикомандированный таможенный офицер из вашего сектора.

Сотник чуть не выпустил из рук ветку, за которую держался, – если бы выпустил, так бы и полетел кувыркком на дорогу. С чувством выругался последними словами...

– Что такой смурной, командир? – спросил Чебак.

– Неважно. За дорогой смотри...

Лес кончился, остались только засеянные рожью и хмелем поля, перемежаемые перелесками. Местность по-прежнему была холмистая, дорога ныряла то вверх, то вниз.

Навстречу попался еще один «Выстрел» – видимо, бронетранспортеров тут не было, казаки ездили только на таких машинах. Оно и правильно – топлива процентов на тридцать жрет меньше, несмотря на то что двигатель – такой же, как у легкого бэтра. Казаки, сидевшие не на броне, а за открытыми люками, помахали руками, Велехов и остальные помахали им в ответ.

Проехали деревню – аккуратную, с замощенными брусчаткой тротуарами. Деревня как деревня – небольшая, богатая, около некоторых домов стоят маленькие трактора, около всех – машины, причем в основном новые, германо-римские – граница рядом. Пара вездеходов «Штайр», австро-венгерских, на остальной территории Империи почти не встречающихся. Неспешно фланирующая улицами домашняя птица, гуси на маленьком пруду.

Поражало другое. Все, кто был в это время на улице, все, даже дети, прекращали делать то, что они делали, и провожали казачий внедорожник взглядами, в которых доброты не было совсем. Все, от мала до велика...

– Попали мы, командир... – снова не сдержал язык за зубами Певцов.

Сотник думал – и не мог понять. Что им надо? Ну, ладно, они контрабанду через границу прут – мы их ловим. Но откуда такая ненависть? Он бывал на границе с Японией, там тоже контрабанду прут, но такого, чтобы китайцы их ненавидели, – не было. Попался – попался, надо отвечать. Не попался – не попался. А этим что надо? Неподлеглость⁴⁰ Польши? И что это даст, эта самая неподлеглость? Вот, приграничная полоса – целиком на контрабанде живет. А как неподлеглость будет – так кому понадобится вся эта контрабанда?!

А с Краковом что делать? Это польская земля, она в составе Австро-Венгрии. Ну, будет неподлеглая Польша – что, за Краков воевать? Так австро-венгры только этого и ждут, Польшу они с большой радостью в свой состав целиком включают.

Бля...

Сотник прозевал момент, когда прилетела первая пуля, он задумался и сам потерял бдительность. Только через секунду он понял, что означает резкий звук и пробитая пулей дыра в стекле, как раз с его стороны. Но тело действовало уже «на автомате».

Сидевший за рулем Чебак пригнулся к рулю и что есть силы дал по газам, так что машина буквально прыгнула вперед. Вот что значит боевой опыт – дилетанты в таком случае обычно давят на тормоз до упора.

– К бою!

То ли показалось – за ревом мотора не расслышать, то ли и в самом деле – пролетела еще одна пуля, но на этот раз с машиной казаков она разминулась...

Внедорожник ввалился в поворот, нехорошо ввалился – с левой стороны колеса разгрузились, поднялись в воздух, попадись камень на пути – перевернулись бы на хрен. Если бы встречная машина – то сами бы угробились и людей угробили. Но нет – «Егерь» устоял на траектории, и встречных машин не было.

– Стоять!

Чебак резко ушел влево, затормозил. Всех качнуло вперед.

– Проверим. Первая группа – Певцов, Петров. Вторая – я и Чебак. Певцов, в машине оставь сюрприз, разряди Дашку.

⁴⁰ Неподлеглость – независимость (польск.).

– Есть!

– Есть!

Если не оставить в машине сюрприз и не разрядить ДШК – есть вероятность того, что кто-нибудь обойдет их да и врежет им в спину из их же пулемета.

– Чебак, доставай ПК из багажника. Нет, я сам. Рацию не забудь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.